

Назарова Ольга

Коробка таблеток от депрессии

Ольга Назарова

Коробка таблеток от депрессии

«Автор»

2023

Назарова О.

Коробка таблеток от депрессии / О. Назарова — «Автор», 2023

Если вашему настроению хочется провалиться куда-нибудь подальше и не высовываться оттуда подольше, а вы никак не можете последовать за ним, потому что нужно делать море повседневных дел, если ваши силы уже на исходе, а этим самым делам конца-края не видно, то вам определённо нужно хотя бы чуточку отдохнуть и отвлечься. Отдыхать люди могут по-разному, но если вам по душе смешные и забавные, добрые и трогательные истории, коты, кошки, собаки и прочая живность, то очень надеюсь, что вам понравятся эти рассказы. Из них вы можете узнать о том, в чём содержится мощнейший антидепрессант без побочных, что растёт на яблонях Бирюка, чем занимается мисс Марпл московского разлива, какая порода кошек самая-самая лучшая, для чего можно приспособить пятое колесо восемнадцатой телеги, и как фея из ПТО может стать феей с топором.

© Назарова О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Коробка таблеток от депрессии	6
Развод по плану	11
Ломовая лошадь	18
Самый предпоследний шаг	23
Мисс Марпл московского разлива	26
Что растёт на яблонях Бирюка	31
Дом в конце дороги.	35
Обидеть кисю может каждый, не каждый может убежать	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Назарова
Коробка таблеток от депрессии

Посвящается моей маме.

Коробка таблеток от депрессии

Ирина постоянно думала о бывшем муже. Даже странно... Бывший. Ну, как так? Двое детей, пятнадцать лет вместе, а он выкинул всё это, словно ненужную вещь. Нет, наверное, жаловаться глупо. Она жива-здоровая, дети рядом, родители помогают, даже, смешно сказать, свёкры и Инна – сестра мужа и то пока на её стороне.

– Этот придурок Колька, братец мой, даже не соображает, во что вляпался! – шипела Инна. – Мать с отцом в лютом шоке от этой...

«Этой» Инна называла невесту брата. В принципе, и Инну, и свёкров Ира понимала отлично. Молодая девушка из серии «И весь мир у моих ног», приехавшая из соседнего государства и решившая пробыть в люди самым простым и доступным способом, вряд ли будет хорошей женой. Не для того приехала...

– Но мне-то что с того? – бормотала она. Ира сама себя пугала – сил не было ни на что. Она приходила с работы и падала на диван.

– Мам, давай ты что-нибудь поешь, а? Мам! Мы с Анькой макароны сварили! – теребил её сын. Сыну тринадцать, дочке одиннадцать, а они так стараются...

– Вставай, колода несчастная! – ругалась на себя Ира. – У них весь мир рухнул, отец ушел, не появляется, заявил, что всех счастливыми он сделать не может. У них тоже беда, а они тебе готовят, стараются! Вставай и иди!

Нет, она и вставала, и шла, и делала вид, что бодря, но ночью только что не выла, ощущая себя выброшенной, ненужной вещью.

Палатки фермерской ярмарки должны были разобрать давно, но почему-то про них позабыли, и в них поселилась кошка. Обычная гладкошерстная кошка, белая с серым, только беременная. Ира проскакивала мимо два раза в день – по пути на работу и с работы. Кошку видела, конечно. И сразу же, заученным до автоматизма уроком звучал в голове голос мужа:

– Ира, что ты, как маленькая! Всех не спасёшь! Оставь это и пошли домой!

Он был так уверен в себе и так брезгливо осматривал кошку или собаку, которых Ира, словно маленькая девочка, мечтала привести домой. – Или я, или это! – говорил он.

Ну, конечно, она выбирала любимого мужа, отводила глаза и трусила рядом, повторяя про себя как заведенная:

– Всех не спасёшь! Всех не спасёшь! Судьба у них такая!

Когда она возвращалась с работы в тот день, уже при выходе из метро, почувствовала запах гари. Сморщилась, а потом, пройдя чуть дальше, увидела, что сгорели те самые палатки. Кошка, перепуганная, растерянная кошка сидела неподалёку на мокром газоне. Ей уже столько пришлось потерять – дом, хозяев, ощущение безопасности, что потеря этого ненадёжного, но последнего убежища, сработала словно заморозка. Даже на отчаяние сил уже не хватало. Кошка попросту легла на бордюры и лежала так.

– Ой, бедолага ты, бедолага... – приговаривала рядом какая-то старушка, разворачивая пакетик с котлеткой. – Вот, поешь, хотя бы.

Ира привычно отвела глаза и проскочила мимо, только обратила внимание, что кошка что-то ей напомнила.

– Всех не спасти! Всех не спасти! Вон, сколько народу на неё оборачивается, и бабулька кормит. Наверняка сейчас кто-то пожалеет и возьмёт.

Если бы мысли толпы людей на какую-то определенную тему можно было слышать, то Ира различила бы невнятное многоголосое бормотание той же самой фразы: «Всех не спасти!»

Вечер прошел как обычно. Дети, тревожно заглядывающие ей в глаза, звонок от родителей, звонок от золовки с очередным описанием проступков «этой»:

– Ты представляешь? Звонит мне и говорит, что мы с родителями должны им выделить комнату! Да с какого перепуга? Брату родители денег дали. Ты же знаешь!

– Знаю, – автоматически согласилась Ира. На подаренные к свадьбе деньги Коля купил дачу. Он обожал рыбалку и приобрёл дом у реки, обожал туда ездить с друзьями, но семью брал буквально несколько раз. Ира с детьми обычно проводила отпуск на даче у своих родителей.

– Ирааа! Ты меня слышишь, нет? – заволновалась Инна.

– Слышу! – покорно призналась Ирина.

– А чего я сейчас сказала?

– Что дача Колина. Да я помню... – ей не хотелось говорить про Колину дачу, совсем не было сил.

– Так ты её делить не будешь? – переживала Инна. Нет, понятно, почему переживала. Ира ей очень сочувствовала. – С тобой родители хотят поговорить.

Ире пришлось выслушать и свекровь, и свёкра:

– Ирочка, ну ты же понимаешь, да? Мы выделили Коле его долю деньгами, чтобы он взял ипотеку. А у тебя своя квартира, и он купил дачу. Но дача-то получается его. Ты же понимаешь? Это ведь честно! Он же не пытается претендовать на твою квартиру.

Это было чистой правдой! Ире квартира досталась от двоюродной бабушки, получила она её давно, ещё с Колей и знакома не была, и муж даже не заикнулся о разделе, хотя всё остальное собрался честно делить. Ира не очень вслушивалась. Он уходил, деловито собирая вещи, рассказывая ей, что она должна его понять, что у него теперь новая жизнь и в этой, старой жизни надо всё разделить. Всё повторял, что он никак, никак не может сделать счастливым всех! А она только кивала, понимая, что жизнь закончена, и как быть дальше она не знает. Ведь в их жизни всё решал Коля!

– Ира, я тебя очень прошу! Ты скажи ему, что не претендуешь на дачу. Пусть он её продаёт и берет ипотеку! – переживала свекровь

– Хорошо, как скажете, – согласилась Ира. Ей было проще согласиться, чем спорить. Видимо, сработал какой-то душевный предохранитель, постаравшийся сберечь хотя бы тот минимум сил, который необходим для выживания. Что сейчас та дача... гораздо важнее удержаться, пусть даже на самом краю.

Следующие три дня она видела ту кошку и утром, и вечером. Дворники гоняли её с газона, уйти куда-то ещё у неё, видимо, уже не было сил, и кошка сидела на верхней ступеньке спуска в подземный переход, прижавшись к каменной стенке. Она не бегала за ногами, ничего не просила, не мяукала. Просто сидела, подобралась, чтобы стать как можно меньше и незаметнее.

– Да нет же сил на неё смотреть! Ну, неужели же никто не может её взять! – сердито думала Ира, поднимаясь по ступенькам и уже привычно отводя взгляд. Её сзади подтолкнула какая-то крупногабаритная тётушка, и Ира споткнулась, схватившись рукой за поручень прямо над кошкой, волей-неволей взглянув прямо в измученную мордочку.

– Да пни ты её! – завозмушалась тётушка. – Что ж такое-то! Москва, елки-палки, а тут кошки какие-то проходу не дают, давно отлов надо было вызвать! Чего ждут! Безобразия! Чего стоишь, застыла? Пни и проходи! Или пусти, я пну!

Кошка смотрела прямо Ире в лицо огромными зелёными глазами и старалась сжаться ещё больше, чтобы быть совсем-совсем незаметной, но приличных размеров брюшко сделать это уже никак не позволяло.

– Всех не спасти... – зашумело в ушах уверенным голосом мужа. И тут Ира поняла, что ей напоминает эта фраза и эта кошка. «Всех не спасти», а значит, и нечего пытаться нечего хоть кому-то помочь! И как логическое продолжение: «Я не могу сделать всех счастливыми», а значит, уже и не надо пытаться сдерживать свои желания, можно пройти по жизни другого

человека, пусть даже собственных детей. Пройти без страха и упрёка. В самом деле, какие тут дети, если они стали мешать жить так, как ему хочется?

– Да пошел ты! – вдруг разозлилась Ира, спугнув гладкие, холодные, скользкие и самоуверенные слова мужа. – Кошка-то такая же как я! Она тоже стала кому-то не нужна, вместе со своими детьми, вот и оказалась выкинута из той жизни, которая у неё была. Я так же пытаюсь забиться в угол и лежать тихо, только сил нет уйти подальше! – Ира и сама не ожидала, что вместо того, чтобы переступить бездомное, грязное, и возможно, больное животное, и дать возможность добраться до него громогласной тётке, она вдруг нагнётся и возьмёт кошку! Да, вот прямо наклонится и так уверенно подхватит незнакомую бездомную, глубокобеременную, грязную и что там ещё по списку кошку с каменных ступенек.

– Вот и правильно! Только лучше ногой было! Чего пачкаться-то. Кидай её подальше! – услышала Ира дальнейшие инструкции. И так её разобрало, что она, перехватив кошку поудобнее, и шагнув от лестницы за каменное ограждение входа в метрополитен, взяла и... сунула её себе за пазуху, в курточное тепло.

– Сиди и молчи! – строго предупредила она кошку. – А то взяли моду командовать все, кому не лень!

Она обернулась к что-то высказывающей тётке и очень корректно, вежливо и холодно посоветовала заткнуться и попинать саму себя! Видимо, сказано было от души, потому что тётка замолчала моментально.

Пока она дошла до дома, немного остыла, и тут же обругала себя всякими нехорошими словами! – – Идиотка! Ну, что мне больше всех надо? Куда я полезла? Мало мне проблем? У меня же дети! А ну как у неё лишай? Или глисты... Или она вообще бешенная? – Ира опасливо покосилась на бледный нос и закрытые глаза кошки. – Чего это она? Спит, что ли?

Нет, кошка не спала. Просто так измучилась, что это неожиданное тепло её совсем разморило.

– Что мне сейчас Коля скажет... – машинально подумала Ира, всё-таки трудно разом забыть пятнадцать лет жизни, и тут же застучало в висках:

– Да ничего не скажет! Он свалил к своей Гале! А раз так, то плевать мне на то, что он там мог бы высказать!

Она плакала каждый раз, когда про это вспоминала, а вот сейчас вдруг призадумалась:

– А что, собственно такое случилось? Развод? Да, очень больно и тяжело! Очень! Но это, елки-палки, вовсе не конец света. Я и дети живы-здоровы. Родители тоже. Квартира есть, моя собственная. Зарабатываю я вполне нормально, алименты он платить будет, никуда не денется. Это с практической точки зрения. А с эмоциональной, всё фигово, конечно, но вот у меня за пазухой сидит кошка, которой с этой точки зрения от отчаяния вообще подохнуть надо! И явно так бы и случилось, если бы Коля не свалил к своей Гале. А сейчас я возьму и сделаю то, о чём мечтала все эти годы – возьму и заведу себе кошку! А!!! – осенило её, – Я ж её уже завела. И даже, по-моему, не одну!

Эта мысль привела Иру в такое удивительно хорошее расположение духа, что, когда она открыла дверь, дети перепугано усталились на неё.

– И чего вы как два суслика замерли? – весело уточнила она.

– Мам? У тебя всё нормально? – осторожно спросил сын. Он так привык к безнадежно-усталому виду мамы, её слезам, которые она пыталась скрыть, что её неожиданная улыбка его смутила. У его приятеля Ваньки мама, когда они с его отцом развелись, начала пить. К счастью, опомнилась, но ужас того, что и такое бывает, заставил его похолодеть.

– Костик, Анечка, не пугайтесь вы так. Я просто кошку подобрала!

Через час вымытая, высушенная, накормленная и наглаженная до состояния полного блаженства кошка спала в картонной коробке в кухне. Дети сидели на полу рядом, счастливо улы-

баясь друг другу и шепотом рассуждая, сколько у их кошки может быть котят и какие они будут. А Ира, по случаю праздника в их доме быстренько готовила соответствующий ужин.

– Мам, а что за праздник? – тихо уточнил Костик.

– Как что за праздник? У нас в семье началась новая эпоха! Наша семья завела кошку.

– И не просто кошку, а тоже с семьёй! – хихикнула Аня.

– Точно. Объединение двух семей надо отпраздновать! Заодно и решить, как мы назовём нашу кошку.

Решали до ночи, время от времени поглядывая в коробку, где каменным сном смертельно уставшего существа спала их кошка, и сошлись на Басе.

– И понятно, и приятно! – резюмировал Костик.

Поздно ночью, когда дети уже давно спали, Ира, которая как по расписанию плакала с тоски каждую ночь, а в последнее время ещё и бессонницей страдала, вдруг увидела, что над краем кровати появляются два острых уха.

– Кис? Кис-кис? Ты ко мне пришла? – удивилась Ира. Ей казалось, что кошка будет спать беспорядно как минимум неделю.

– Конечно, пришла. Тебе ведь плохо. Мне-то уже хорошо, а тебе ещё нет. Это неправильно! – Бася с некоторым усилием взобралась вверх, дошла до Иры, совсем затерявшейся на двуспальной кровати, и устроилась у неё под боком.

– Фрррр, сколько тут одиночества, – она понюхала воздух. – И бессонница ещё... Что? Бросили тебя? И меня тоже! Только ты меня взяла и спасла, а теперь я тебя спасу. Лучшие кошек никто не прогоняет одиночество. Оно нас не выносит, знаешь ли. Закон такой! А бессонницу мы сейчас уговорим, – она поёрзала, поуютнее устраиваясь на кровати, умостила брюшко в уютной одеяльной складке и замурлыкала, привалившись к Ире.

– Тихо-тихо на мягких лапах, тихо-тихо шаги не слышим, мы пойдём за твоими снами, по ветвям и до самой крыши, а на крышах, нагретых в полдень, спят слова, что людьми позабыты, о заботе, любви и долге, о сердцах, что друг другу открыты. Ветер будет гудеть по трубам, огоньки по окошкам гаснут, ты и я – мы теперь подруги, нам с тобой ничего не страшно. Мы вернёмся домой бок о бок, сны слетелись, вокруг кружатся, ты со мною, и я с тобой, надо только друг друга держаться.

Бася смотрела, как закрываются глаза у её хозяйки. Настоящей хозяйки, она это сразу поняла, как только увидела её взгляд. Кошка изо всех сил ждала её всё это время! Правда, уже опасалась, что не дождётся. Жизни оставалось всё меньше и меньше, словно её уносила прочь толпа лютей, бубнящих «Всех не спасти». Бася отлично это слышала и страшно боялась этих слов. Зато теперь можно не бояться уже ничего! Она дома. Тут никто не обидит ни её, ни котят, которые скоро захотят увидеть свет.

Семья Ирины увеличилась ещё больше уже на следующую ночь. Бася родила котика и кошечку.

– Мам, я тебя очень прошу! Давай оставим котика? Ну, пожалуйста! – ныл Костик. Он глаз не спускал с рыжего толстенького котика, упоённо сосущего молоко.

– Нет. Мамочка, не слушай его! Давай маленькую кошечку оставим, – чуть не плакала Аня, которой приглянулась черная как уголёк малышка.

Ира, покосилась на счастливую Басю и улыбнулась. – А давайте! – она могла бы поклясться, что кошка улыбнулась ей в ответ! Словно, была абсолютно уверена в хозяйке.

– Так кого? – удивились дети.

– Всех оставляем! И кошку, и котят! Они достаточно натерпелись, без нас, – отважно решила Ира и тут же поняла, что решила правильно. Бывают такие моменты, когда от принятого решения теплеет на душе и холодный панцирь, мешавший дышать, сваливается, и бес- сильно крошится под ногами. Вот именно так она себя и чувствовала.

– А мы достаточно натерпелись без них! – подумала она, глядя на счастливых детей. – Кто бы знал, что для того, чтобы не выть ночами, не рыдать и не предаваться отчаянию, нужна всего-навсего одна кошка и два котёнка!

Она смотрела на полную коробку счастья и всё вспоминала слова мужа...

– Да, невозможно спасти всех! Но если спасти хоть одного, то этих спасённых уже меньше, а счастливых – больше. Только не на одного, а на двух... Это не только для спасённого хорошо! Для тебя это, получается, тоже счастье!

Ирины родители, приехавшие в выходные навестить дочь и внуков, были поражены, увидав улыбающуюся Ирину.

– Иришь, он вернулся? – осторожно уточнила её мама.

– Кто?

– Ну, Коля? Он всё осознал, да? Осознал и решил вернуться?

– Понятия не имею, – равнодушно махнула рукой Ира. Ей как-то без разницы стало, что там осознаёт её бывший муж.

– Ааа... А что же ты такая... Радостная?

– Мам, я завела трёх кошек и нам хорошо!

– Если бы я знала, что тебе для счастья нужны кошки, я бы тебе десяток принесла! – расплакалась от облегчения её мама, которая в последнее время очень боялась за дочку, совершенно потерявшуюся в своей беде.

– Ну, показывай свои таблетки от депрессии! – Ирин отец кошек любил, так что тоже дочь поддержал. – Ой, какие славные! А чего это он делает? Надо же, такая кроха, а уже зевает! – умилялся он над коробкой «таблеток от депрессии».

Ночью Ира сидела на кухне с Басей, которая выбралась из ящика немножко передохнуть, а заодно и хозяйке компанию составить. Хозяйка грела ладони о кружку с чаем и всё думала о том, что не можем мы спасти или осчастливить всех, да и не надо, не по силам это нам. Но сделать то, что можешь – это же не так сложно, да и не страшно.

– Казалось бы... Всего-то одна кошка, а такое сокровище, тепло и радость! И Анюта ночью от кошмаров не просыпается, и Костик перестал выглядеть, как заведенная до предела пружина, а про меня и говорить-то нечего! Словно отрезало все слёзы и трагедии, которые я себе устраивала в последнее время. Да, бывает всякое, было да прошло... Ты, живи теперь сам как можешь, не помогай никому, не делай никого счастливым, раз уж так тебе лучше, да удобнее. Бог с тобой! Спасибо, что был, да вовремя ушел! Вовремя! – последнее слово она произнесла вслух. – Конечно, вовремя, иначе я бы не успела понять, кого мне надо было спасти!

Развод по плану

Развод шел по плану! Хорошо шел, как положено. Сначала Андрей и Марина поняли, что поторопились жениться, потом осознали, что друг друга не понимают, раздражают, сильно раздражают. Раздражение искрилось в воздухе, текло из крана вместо воды, зависало в кухне и шуршало занавесками, поскрипывало новыми стульями и хлопало дверцей холодильника. Оно размножалось делением в геометрической прогрессии и полностью захватило этот дом. Люди и не заметили, что перестали думать друг о друге без этого уже привычного спутника своего существования. Затем они стали тихо друг друга ненавидеть, так, что даже мысли друг о друге вызывали гнев, а в апофеозе ненависть перешла в громкую стадию.

– Я просила тебя не курить? Я миллион раз просила! У меня всё провоняло проклятым твоим куревом! Меня тошнит от этого запаха, от тебя! – кричала Марина.

– Да я успокоиться могу только с сигаретой! Я же захожу домой и будто на фронт попадаю! Словно в окопы! Меня выворачивает от одного твоего визга! Хоть бы немного помолчала! – не оставался в долгу Андрей.

Они хлопали дверями, отчего вокруг этих самых дверей рождались тёмные, невидимые их зрению вихорьки, которые вливались в полноводный поток гнева, омывающий их дом. Они кричали друг на друга, стараясь ранить побольнее, ткнуть в самые-самые уязвимые места. Эти тайные уязвимости нипочём не найти чужим людям, близкие их безошибочно угадывают и оберегают. А бывшие близкие, ставшие ненавидящими, беззастенчиво бьют в них изо всех орудий.

– Всё! Я так больше не могу! Я развожусь! – выкрикнула Марина в ответ на очередной удар Андрея по одному из таких уязвимых мест – её неумению печь. Ну, может, кому-то другому, это и показалось бы смешным, по только не Марине. Она с детства мечтала, чтобы в её доме пахло тестом, чтобы оно мягко и уютно укладывалось в её ладони, радостно поднималось, а потом превращалось в пироги или булочки. Но, как назло, тесто её не слушалось. Маленькой она довольно наслушалась язвительных шпилек от двоюродных сестёр, которым любая выпечка удавалась играючи, а теперь ещё и муж издевается?

– Неее! Это я с тобой развожусь! Ты даже пироги приготовить не можешь! – Андрей ухмылялся, уловив, что этим, вроде как банальным замечанием выбивает Марину из равновесия.

– Я? Да! Ты прав! Не могу! Зато ты неудачник! Ничего толком заработать не можешь! – Марина тоже ударила по больному. Не то, чтобы он не мог заработать, нет, мог. Просто в последнее время реально не везло, уверенности становилось всё меньше, а когда тебе ещё и в морду это тычут, кто хочешь станет терять последние силы.

– Ты! Ты мне всю жизнь отравила! Тебе-то чего не хватает? – рявкнул он. – Завтра же подаём на развод! Делим квартиру, имущество и кошаков!

– Отличная идея! Самая лучшая, которая у тебя появилась за последнее время! – взвизгнула Марина.

– *Че-го?* – вышеозначенные кошки переглянулись. Черный кот Примус и кремовая кошка Муся переглянулись. Муся была подарком Андрея невесте, котёночком жила у заводчицы, то есть жизненный опыт имела небольшой.

– *Чего они такое собрались делать и делить?* – изумилась кошка.

Примус, для близких – Прим, был подобран Маринкой в полубессознательном состоянии у мусорных баков. Жизнь знал, что такое развод и раздел имущества проходил, собственной шкурой прочувствовал и повторения не хотел категорически.

– *Всё! Всё они будут делить. И то место, где мы живём, и всё-всё, что тут есть. А под конец и нас с тобой!*

– *Не понимаю!* – Муся от ужаса затрясла головой. – *Как можно всё разделить?*

– *Ну, один возьмёт одну миску, другой – другую. И так со всем.*

– *Так у каждого будет гораздо меньше всего!*

– *Они думают, что им будет лучше.*

– *А то, что не делится, как они будут делить?* – Муся уставилась на свою любимую плошку, состоящую из двух отделений.

– *Пилить...* – хмуро фыркнул Прим. Он думал о гораздо более серьёзных вещах, чем миски...

– *Как пилить?* – перепугалась Муся, пока не осознававшая размеров стихийного бедствия. Она решила спасти свою миску и ударом лапы загнала её под диван. – *Ой, а вот диван? Его они как делить будут? А холодильник? Всё-всё пилить?*

– *Муся! Я не знаю, как они будут делить диван и холодильник. Самое страшное, что они нас будут делить!*

Муся в таком ужасе посмотрела на кота, что тот, сообразив, что она перепугана и представляет себе какие-то жуткие картины, объяснил:

– *Тебя, наверное, заберёт Марина, а я достанусь Андрею.*

– *А как же мы будем встречаться?* – наивно удивилась молоденькая Муся.

– *Никак,* – обреченно вздохнул Прим. – *И никогда...*

– *Я так не могу! Я не хочу!* – Муся прижалась к коту, которого знала почти всю свою не очень-то долгую жизнь.

– *И я не могу!* – вздохнул Прим. – *Надо что-то делать! Я, конечно, был не прав! Расслабился, подзапустил... Ну, кто же знал, что они до такой ерунды додумаются! Расплодили тут всякую пакость!* – он брезгливо встряхнул лапой, отгоняя очередной гневный вихорёк, появившийся от хлопанья дверями. – *Ой, люди-люди...*

– *Пппприишим, я не могу без тебя, без хозяина, без дома!* – Муся припала к полу и даже глаза прикрыла от ужаса. Она вдруг вспомнила, как хозяйка принесла практически умирающего чёрного кота. Как рассказывала хозяину:

– *Андрюш, ну, как же так? Его выкинули! Просто как ненужную вещь! Он едва не умер. Мне в клинике сказали, что сделали всё, что могли, но теперь всё будет зависеть от того, захочет он жить или нет!*

Примус поначалу нипочём не хотел! Ни жить, ни есть, ни верить в то, что у него появилось что-то новое, хорошее. Спасло то, что его очень старались вытащить из этого нехотения! И Марина, и Андрей подолгу разговаривали с ним, гладили, уговаривали постараться и остаться с ними. А больше всех ему помогла Муся. Она, ещё совсем-совсем маленькая, приходила, укладывалась к нему под бок, обхватывала лапами и грела. Да, площадь, которую она могла охватить, была совсем небольшой, но грела-то она не столько кусочек шкурки, она согревала душу. Смешной, наивный, мягкий клубочек, который ничего страшнее грозного окрика «Муся не лезь на стол» ни разу в жизни не слышал, связал упрямо загибающегося Прима по всем лапам и вытянул обратно – жить.

А теперь получается, что Муся отправится в один дом, а он, Прим, в другой? Да ещё непонятно, какая будет жизнь в этих домах. А ну как Мусю обидят?

– *Ппприм, ты чтооооо?* – Муся покосилась на Примуса, у которого шерсть стала дыбом, и испугалась ещё больше.

– *Не бойся! Я не позволю им ничего делить!*

– *Иииии пииииить?* – дрожащим голосом уточнила Муся.

– *И пилить! Ишь, удумали! Глупости какие! Завели котов, а теперь разводиться? Детей заводите и делите! Они хоть сказать что-то могут. А мы – не можем!* – не очень логично, но грозно фыркнул Прим. – *Так, ты успокаивайся, миску свою доставай, а я... Пойду!*

– *Куда?*

– *Думать!* – важно ответил Прим.

Он не просто думал! Он следил как коршун, анализировал, вспоминал, разрабатывал планы и отказывался от них. Чуть не впал в отчаяние, а потом услышал, как Марина разговаривает сама с собой. Была у неё такая привычка – когда она оставалась дома одна, она рассуждала вслух, что ей надо сделать, как лучше приготовить то или иное блюдо, что надеть... А вот сейчас она, тихонько вздыхая, размышляла вслух:

– Ну, совершенно невозможный человек! Нам и говорить-то не о чем стало! Он же даже слушать не хотел. Приходил, ужинал и спать заваливался!

Она уже привычно поплакала, и стала потихоньку собирать свои вещи в одну комнату, готовясь к расставанию с квартирой.

– И такая квартира хорошая! Удачно отремонтировали, всё такое любимое... было... – она с недоумением озиралась в кухне, словно не понимая, куда делась та радость, которая охватывала её каждый раз, когда она возвращалась домой.

– Ага... *Поговорить... Да, они, словно каждый сам по себе были последнее время!* – Примус повспоминал. – *В начале, когда меня сюда принесли, они любили мурлыкать друг с другом, а потом, как-то забились каждый в свой угол и засели там. Если бы у них были хвосты, то они бы раздраженно махали бы ими! Потом уже начали шипеть... Да, точно, как кот с кошкой, которые не ладят. Хорошо, хоть морды друг другу не поцарапали. Так, может, им поговорить надо?*

Примус был умным котом. Он объяснил Мусе, что надо постараться, напеть Марине самое хорошее настроение к приходу Андрея.

– *Глядишь, я успею его перехватить, успокою, и они смогут помурлыкать о своих делах. Раньше-то они это делали!*

Но, к сожалению, как только хлопнула входная дверь, превосходное настроением Марины куда-то испарилось, а Андрей, как назло, был расстроен очередной неудачей на работе, и на кота, вившегося у него под ногами внимания не обратил.

– Примус, ну не мешай! Вот съедем мы с тобой отсюда, тогда я тебе смогу внимание уделять! – только этого Прим и добился.

– *Тыфу на вас!* – рассердился кот. Через пару дней безуспешных попыток, он решил, что пора действовать жестко. – *Неразумные котята получают трёпку! А люди, которые ведут себя хуже, чем котовые несмышлёньши чем лучшие? Ничем! Будем учить!*

Квартира на семнадцатом этаже нового дома особенно понравилась Марине и Андрею отличным видом из окон и огромным балконом. Они планировали его застеклить, но не успели. Кошкам на балкон выходить было строго запрещено и за этим супруги следили, даже будучи в предразводном состоянии.

– Муся! Муся! Кис-кис, где ты моя девочка! – Марина никак не могла найти кошку. – Так, может, с Примусом где-то спрячутся? Прим-прим-прим!

Андрей был в ярости! Пронзительный голос проникал даже в наушники!

– Чего ты опять разоралась? – он вышел из комнаты, в которую переволок все свои вещи и хмуро уставился на почти бывшую жену.

– Тебе что до этого? Ты подал заявление на развод?

– Нет, времени не было!

– Аааа, ну, да, ну, да. Ты ж у нас суперспециалист! Занят круглосуточно! – оскорбительно рассмеялась Марина.

– Я гораздо лучший специалист, чем ты – жена и хозяйка! У меня хоть тесто в обморок не падает, когда я его делаю! – ответил Андрей, с мрачным удовлетворением замечая, как краснеет жена. Его очень задевало то, что в последнее время она стала зарабатывать так же, как и он, а то и чуть больше.

– *Мяяяя...* – Муся специально выдала самый тревожно-отчаянный мяв из всего своего богатого репертуара.

– Муся! Где ты? – Марина гневно сверкнула глазами на Андрея, но продолжать ссору не стала – как-то очень тревожно было за кошку.

– Ну, ты и дура! Она тебе что, по-русски скажет, где? – у Андрея аж скулы свело от такой бабской глупости.

– Сам ты такой! – Марина чуть не заплакала и решила, что только найдёт кошку и тут же уедет к маме! Ни секунды лишней в одном доме с этим идиотом не останется! – *Мусяяя!*

– *Мявуу!* – басовитый зов Примуса подстегнул к поискам не только Марину, но и самого Андрея.

– Ты что? Балкон не закрыла? Совсем голова не работает?

– Да я туда даже не заходила! Сам, небось, выползал смолить свою гадость вонючую и забыл закрыть!

Они одновременно прибежали к балкону и едва не столкнулись в двери.

– Муся!

– Примус!

Кошки сидели в пластмассовом кресле в самом дальнем углу балкона, абсолютно не собираясь его покидать.

– Ну, вы нас и напугали! То есть меня напугали! – поправилась Марина. – Мусенька, сиди, милая, я сейчас тебя возьму!

Они оба пошли за кошками, не подозревая, что каждый их шаг просчитан и вымерен.

– *Четыре, три, два, один! Ну, бежим!* – Примус пулей вылетел из кресла, пропустив вперёд Мусю. Они промчались между ног опешивших людей, заскочили в комнату, Примус всем весом толкнул балконную дверь, а Муся, ловко повиснув на ручке, опустила её.

– *Вот так-то! Пусть теперь посидят да подумают о своём поведении!* – Примус запрыгнул на стол, стоящий справа от балконной двери, и бесстрастно уставился в лица хозяев, таранивших ладонями по стеклу.

– Прим! Открой дверь!

– Муся! Как это вышло! Кисанька, открой!

Через некоторое время люди переглянулись, осознав, насколько странно звучат их призывы. И, разумеется, тут же начали ругаться!

– Это ты виноват!

– Да чего это я? Сама как клуша бегала, вопила свои «кыс-кыс»!

– *Нуууу, это надолго! Продолжаем мероприятие!* – Примус уселся поудобнее и полизал ухо очень взволнованной Муси.

– *Думаешь, получится?* – вздыхала она.

– *Надо пробовать все методы! Это наименее травматичный!* – солидно отозвался Прим.

– *Моя Марина может замёрзнуть!* – сообразила Муся.

Апрель месяц на высоте семнадцатого этажа теплом не баловал. Наоборот, ветер свистел на балконе, насквозь продувая лёгкие джинсы и тоненькую футболку Марины, она замёрзла сразу, как только немного прошел запал ссоры с Андреем.

Он ещё не успел переодеться после работы и был в рубаше и свитере поверх неё.

– Только такая дура как ты, могла выскочить на балкон раздетой! Сейчас плюс восемь! – он с отвращением осмотрел почти бывшую жену. – Кот! Открывай дверь! Блин! До чего я дошел! Как будто он может открыть...

– *Ещё как могу, но не буду! Торопиться определенно не следует!* – хмыкнул в усы Примус. – *А что? Сижусь, никого не трогаю, примус починяю...* – фраза про примус, услышан-

ная в самом начале его пребывания в этом доме, ему нравилась, было в ней что-то насмешливо-кошачье.

– Марина... Ей холодно! – пискнула Муся.

– Ей будет гораздо, гораздо холоднее, если они сделают то, что хотят! – вздохнул Примус. – Им сейчас кажется, что это так просто, найти того, с кем хочется быть. Кажется, что стоит только прыгнуть в разные стороны, и сразу попадутся те, кто будут гораздо лучше того, что у них сейчас есть! Глупые! Это так трудно. У них было то, что надо сохранять изо всех сил, а они рвут это на части, топчутся ногами по теплу, которое уже жило в этом доме, я же чуял его!

– Да, и я тоже. Оно было такое нежное и ласковое, это тепло. Оно становилось всё больше, а потом испугалось и стало уменьшаться.

– Конечно, испугалось! Ни одно порядочное тепло не выживет в крике и ссорах. Тем более маленькое и ещё слабое. Ничего, Муся, мы посмотрим! Если это тепло ещё в них, то они справятся.

– А если нет? Что тогда?

– Ну, тогда будем думать дальше! – Примус знал, что если люди совсем-совсем убили любовь, которая у них была, то никто уже не поможет её вернуть, но не хотел пугать молоденькую Мусю.

– Может, всё получится. И ветер нам как раз очень даже на лапу!

Маринка обхватила руками плечи, задрожала.

– Как нам теперь быть? Ты смартфон, конечно, не взял?

Андрей подавил в себе желание сказать, что она тоже не взяла! Нет, сначала даже рот открыл, чтобы рявкнуть, но глянул на неё и сдержался. Маринка всегда была мерзлячкой, очень любила всякие уютные штуки с капюшонами, меховые тапочки, пледы. А сейчас она, как назло, в тонкой одежке, да на холодном ветру замёрзла так, что у неё даже зубы постукивают, ещё и слёзы на глазах! Он и не помнил уже, когда жалел почти бывшую жену, так она его раздражала, а тут как-то само по себе вышло. Ну, он же мужчина, он сильнее этой дурочки!

– Дааа, ситуация конечно... – он машинально стянул с себя свитер и накинул на плечи Марины. – Не дозвониться, не докричаться... Не трясись! На худой конец, выбью стекло в двери.

– Оно жжже трехссслоейннное! – Марина едва челюсти сумела разжать, чтобы выговорить, и только потом осознала, что на плечах свитер почти бывшего мужа, а он сам остался в брюках и рубахе.

– Зззачем? Ты жжже сам зззамёрзззнешшь!

– Ничего, потерплю, – он покосился на стремительно бегущие над ними облака.

Они ещё некоторое время поговаривали кошек открыть балкон, правда ощущали себя при этом очень глупо. А потом Андрей решительно взял кресло и, размахнувшись, стукнул им в стекло.

– Нет, ну ты же посмотри! А у нас ещё производства ругают! Польское кресло треснуло, а русское стекло плевать на него хотело! – рассмеялся он, пытаясь сообразить, что делать дальше.

– Ладно. Деваться некуда. У меня окно открыто, есть карниз, тут всего-то ничего... я попробую пройти.

– Нет! Ты что, с ума сошел? – Марина вцепилась в его рубаху так, что даже пальцы свело. – Ты упадешь, высота-то какая!

– Ну, тебе же проблем меньше будет, – не выдержал Андрей. – Ты же сама говорила, что, если бы меня не было, ты бы прекрасно жила.

– Ты что, дурак? Я не хочу быть вдовой! И вообще! – это самое "вообще" вылилось таким потоком слёз и очень невнятных слов, что для того, чтобы их расслышать, Андрею пришлось обнять почти бывшую жену.

– Марин, да ты чего? Мне очень нравится, как ты готовишь! Мне всё нравится. Причём тут пироги? Да я же так просто говорил... Это ты меня пилила про работу и деньги. Я же сейчас меньше зарабатываю.

– Ты глупый, что ли? Какая мне разница? Нам всего хватает, ддаажже на отпуск откладываллиии, – ещё пуще расплакалась Марина, осознав, что отпуска у них уже не будет в любом случае – они же разводятся.

– Я такие глупости говорила, прости меня дддуууурууу!

Как можно злиться на ревущую в три ручья жену, которая замёрзла, просит прощения и нипочём не пускает его рисковать? Ну, никак не получается, хоть он честно попытался вспомнить, какие там у него были претензии. А у неё?

– А! Я ж курю и всё провонял дымом! – наконец сообразил он.

– Ты о чём? Кури на здоровье! Ой, то есть здоровье как раз портится! И у меня тоже. Я же думала, что если ребёнок... Пассивное курение...

– Какой ребёнок? Ты что, беременна и мне не сказала? – возмутился Андрей. Он хотел вернуться в свой мерзко-противный самому себе тон, повозмущаться от души, но Марина покачала головой.

– Нет, что ты! Я бы никогда от тебя такое не скрыла. Я мечтала, понимаешь? А теперь... А теперь всё пропало!

– И ничего не пропало! Чего это ещё? Я всё равно как-нибудь открою эту проклятую дверь!

– Да нет, мы... Мы же разводимся. Ты забыл?

– Забыл! Забыл я, Маринка, заявление подать. Да и пошло оно... Может... Может, ещё раз попробуем, а?

– Если выберемся... – по-детски потёрла глаза Маринка.

– Когда выберемся! – поправил её Андрей. Странно, как много сил появляется, когда есть ради кого бороться. Он решительно поднял треснутое кресло, прикинул, как и куда можно ударить, шагнул к двери и увидел... Абсолютно ясно и чётко он увидел ухмылку на морде Примуса, который, стоя на столе около балконной двери, осмотрел его с креслом, беззвучно фыркнул и упёрся головой в ручку балконной двери.

– Марина, посмотри! – почему-то шепотом позвал Андрей. – Он нам дверь открывает.

– *Вот клянусь, если они сейчас зайдут и станут снова ругаться, я покусаю обоих!* – Примус боднул головой последний раз, дверь распахнулась, в комнату влетел ветер и заскочили замёрзшие хозяева.

– Первым же делом вызову мастеров и застеклю балкон! Курить буду только тут в открытую форточку. А если того... Ну, если что, так вообще, брошу! – Андрей притянул к себе Марину. – Так что первым делом застеклить! В смысле, первым делом иди в ванну и отогревайся.

Марина в ванную едва дошла, так замёрзла. Чуть там не уснула, когда пришел муж и вытащил её из горячей воды, пара и полной осоловелости.

– Не-не идём на кухню! – рассмеялся он.

Посреди стола стояла миска, прикрытая чистым кухонным полотенцем.

– Это чего? – осторожно уточнила Марина.

– Это тесто! Муся, убери лапы! – скомандовал Андрей любопытной Мусе, потянувшей к себе полотенце.

Марина поджала губы. Зря она расслабилась. Ничего не изменилось! Он опять издевается.

– Знаешь, у меня оно получается легко – меня бабушка учила. Я тут подумал, в конце концов лучшие шеф-повара в мире – мужчины. Так что в следующий раз, когда мне захочется пироги, тесто за мной! А начинки ты делаешь бесподобно! Договорились?

Маринка закивала, а потом торжественно объявила:

– Я точно знаю, что ты у меня самый умный и у тебя получится тот проект, который ты сейчас рассчитал. И все остальные тоже. А если что-то не получается, то оно нам просто не надо. Договорились?

Примус едва успел пошевелить усами и стряхнуть с морды ухмылку. Нечего людям лишнее демонстрировать, а то ещё привыкнут.

– *Муся, ты чего?* – удивился он торжественному виду кошки.

– *Оно опять тут! Я его чувствую. Оно снова вернулось домой. Наше тепло!*

– *Конечно! Оно же зависит от людей,* – снисходительно покосился на них кот.

– *И от нас, да? Мы же помогли им?* – заперезживала Муся.

– *Ещё как помогли! Мы так здорово их проветрили!* – довольно кивнул Примус, забираясь на руки к Марине, и наблюдая, как Андрей наглаживает разомлевшую и счастливую Мусю. – *Они, когда непроветренные, такие глупые становятся, оказывается!* – пофыркал он, устраивая морду на плече хозяйки. – *Ну, ничего-ничего, теперь-то я сам буду следить за вами, чтобы ничего не удумали!* – решил он.

Ночью он отправился проинспектировать миски – проголодался от дневных переживаний, а потом, устроившись на кухонном подоконнике уставился на звёзды, такие близкие с его семнадцатого этажа.

– *Эх, люди-люди... Как котята несмышлёные! Ну, теперь-то за вами есть кому приступить!* – кивнул он сам себе, ощущая, как в доме потихоньку ступает мягкими и неслышными шажками самая загадочная и удивительная вещь – то самое людское тепло, которое называют любовью.

Ломовая лошадь

Елена тоскливо раздумывала над словами директора:

– Мы решили расширяться! Будем строить производственные мощности. Цех будет в Подмоскovie, я уже присмотрел площади. Да, и договор с китайцами, ну, который вам не нравился, я подписал! И, да, надо готовить документы на получение кредита. Перечень того, что надо банку у вас на почте, я только что переслал. Ещё...

На этом в ушах Елены зашумело, ей показалось, что в голове щёлкнул какой-то предохранитель и отсёк дальнейший поток указаний и заданий, последним усилием утопающего попыталась было напомнить:

– Егор Дмитриевич, а сотрудники? Ну, вы обещали подумать над расширением бухгалтерии... – с трудом выговорила она. – И юрист... и кадры...

– Елена, ну, как же вы не понимаете... Сейчас расходы вырастут, а вы и так прекрасно справляетесь! Немного попозже, ладно?

Это немного попозже она слышала уже давно. Нет, надо было бы возразить, поругаться, пригрозить увольнением, но сил не оставалось совсем – только-только сдала квартальный отчёт и в глазах темнело от усталости.

– Нет, это за окном уже темнеет, – догадалась она, с трудом сфокусировавшись на окне. – Пора домой. Не могу больше!

Обычно, сдав отчёты, она устраивала праздники! Покупала что-то вкусное, подарки семье. Сейчас силы закончились настолько, что можно было только идти к метро и смотреть себе под ноги чтобы не рухнуть.

Когда четыре года назад умер муж, Елена поняла, что надо зарабатывать больше. Ещё больше! Столько всего было нужно. Пашка в школе – надо столько всего! Дома ремонт нужен... На даче забор валится. Хорошо родители помогают – живут прямо рядом со школой, и когда она задерживается на работе, забирают Пашку к себе. Правда, постоянно говорят, что нельзя столько работать. А как иначе-то? Она и ломается на этой работе только потому, что выхода нет!

Все эти доводы она регулярно себе приводила, и обычно помогало, но вот сейчас почему-то никак не срабатывало! Даже идти сил уже не оставалось – в голове крутились новые проблемы:

– Обособленное подразделение, регистрация в налоговой, дополнительные отчёты, охрана труда, проклятый договор с китайцами! Его нельзя было подписывать в том виде! Это же сплошной ужас! Кредит? Более четырехсот ведомостей, расшифровок и табличек. И каждую надо вручную для них трансформировать! Мне головы некогда поднять, я ничего не успеваю. Я же и за главбуха, и за юриста, и за кадровика... А ещё и это: «посадите меж цветов сорок розовых кустов и пока не подрастут, поливай дорожки тут»?

Позвонила мама, отчиталась, что Пашка сделал уроки, поужинал и смотрит какой-то фильм, привычно попеняла на дурацкую дочкину работу, пожелала спокойной ночи, а Елена всё так и сидела, обессиленно уставившись в окно.

– Надо идти домой. Хотя... Какой смысл? Можно и тут оставаться. И всю ночь работать, потому что я нипочём не успею подготовить документы с этим проклятым кредитом!

Елена вдруг поняла, что сейчас в голос зарыдает. Бездёжно и бессильно.

– Охрану напугаю! Надо идти.

Пустые вагоны метро были так знакомы. Она часто возвращается поздно. Иногда так, чтобы успеть перед закрытием станции.

– Ну, вот... Осталось совсем немного. Чутьочку! И я дома! – пересечь тёмный сквер и войти в подъезд, и так уже можно будет и поплакать. Она не боялась темноты, поэтому совер-

Что её дёрнуло обернуться, Лена потом вспомнить так и не смогла. Глаза привыкли к сумраку, и она легко рассмотрела тоскливо опущенную головку небольшой полосатой серой кошечки.

– Вот бедняга. А может... Неее, ну куда мне? Я и так домой прихожу поздно. На сына-то времени нет, а тут ещё кошку? Да она с ума от одиночества сойдёт. А летом? Неее, это совсем уж неразумно!

Она сделала ещё пару шагов к дому и снова обернулась. Кошка безнадежно съёжилась и села, уткнувшись носом в скамейку.

– Да пошло оно всё! Одна дома она запросто побудет, но живая-здоровая, в тепле и сытая! Летом? На даче с родителями поживёт! Она же меня пожалела! Сама никакая, а меня пожалела! Одна единственная! Не ругала, не требовала, ничего не хотела, просто пришла и помурлыкала.

Елена быстро вернулась обратно. – Эй, кис-кис... Ты со мной хочешь?

В темноте блеснули изумленные глаза. – *Это ты мне? Нет, правда? Честно? Да что ж ты спрашиваешь-то?*

С кошкой на груди и сумкой наперевес Елена шла до дома так, словно её кто-то по воздуху нёс.

– Только что только ноги волочила, а сейчас... Лифт сломался? Плевать! Мы идём домой! Пятый этаж? И чё? Зато разминка! – почему-то подъём по лестнице с кошкой тоже напомнил ей лошадиную тему. Наверное, потому, что её каблучки выстукивали, словно конские подковы. – Ну, уже пободрее скачу. Может, и не совсем загналась... Кошка так вдохновляюще действует?

Через час в квартире царил изумительный смесью вкусных запахов, тепла, и какого-то немудрящего, очень несложного и такого важного покоя.

Кошка, выкупанная, завернутая в розовое полотенце, высушенная, накормленная за неимением специальной еды куриной грудкой и бульоном, лежала на коленях у Елены и мурлыкала.

– Вот знаешь..., а мне сейчас хорошо. Нет, понятно, что завтра опять будет кирдык и амаргеддец! Директор опять начнёт в глотку впиваться, всё всем срочно понадобится, и силы закончатся, но сейчас мне очень даже славно.

Сон со счастливой кошкой на голове, оказывается, меняет много чего в сознании, и утром, столкнувшись с ожидаемыми стихийными бедствиями, Елена почему-то увидела себя со стороны.

– Точно я – лошадь! Такая облезлая, помирающая. Копыта трясутся, грива дыбом и дрожит... Фуууу.

– Елена! Да что с вами сегодня!? Вы что, ещё не подготовили документы в банк? – уточнил энергичный директор.

– Те четыреста таблиц? Нет. Я занята вашими расчётами. Вы же мне срочное задание прислали.

– А вчера?

– А вчера у меня в одиннадцать вечера закончился рабочий день! – огрызнулась Елена. – И вообще вы мне отпуск обещали после сдачи отчёта, а вместо этого я все майские праздники вам проекты просчитывала...

– Ну, нет... Сейчас не время! Вы же понимаете. Новый договор, документы в банк, производство... – голос директора словно затягивал петлю на шее. Всё ту же, ту же...

– Понятно, – кивнула Елена и отправилась к себе в кабинет. Вроде и дорога туда была не очень длинной, но с каждым шагом в загнанной главбуховой лошади что-то менялось.

– Дача? Да пофиг! Какая мне разница, что там говорит та соседка. Дом стоит, крепкий, хороший, не валится! Будет возможность – покрасим, нет – и нечего некоторым лезть на чужой участок. Я ведь тоже могу к ней зайти, да проверить, что у неё где отваливается! И даже,

если что, помочь могу, чего-нибудь отвалить в ускоренном порядке, так сказать! Смартфон Пашке? У него старый работает. И между прочим, всего-то год ему. У меня старше и тоже ничего. Поездка на море? Да, это приятно. Но я всё равно сижу с ноутом на пляже и платёжки отправляю. Так нафига?

Она решительно набрала номер своей приятельницы, которая давно звала её к себе. Главбух у неё был, но ей надо был кто-то кому она могла полностью доверять. Кто-то, проверяющий работу её продажников и бухгалтерии.

– Лен, удаленно можешь работать. Мне это даже удобнее. Как хочешь, только приходи. Правда, столько, сколько ты сейчас получаешь, платить не смогу... – говорила ей Марина год назад.

Именно из-за денег Елена отказалась от смены работы, а вот теперь решительно набрала номер Марины. Та откликнулась сразу и обрадовалась:

– Нашла? Нет! Никого и не искала. Ты согласна? Отлично! Увольняйся от своего шкуродёра, и я тебе буду даже побольше платить, чем в прошлый раз говорила. У меня как раз возможность появилась!

Главбух, откинувшийся в кресле и смотрящий в потолок в полном пятиминутном ничегонеделании изумил сотрудников до икоты.

– Ээээ... Елена Васильевна, а что это с вами? – вкрадчиво уточнила менеджер европейского направления.

– А что?

– Вы же сейчас не заняты, да? Очень славно, что у вас есть свободное время! А вот посмотрите мои договора, у меня тут пять штук, а директор без вашей визы не подписывает.

– Нет, Мила, я твои договора смотреть не буду. Мы же договорились, что ты сама.

– Нее, ну у меня работы много, а потом, ошибки лучше вас никто не правит, – вздёрнула нос Мила. – А потом, вы же сидите просто так... Не заняты!

– Нет, Мила, ошибаешься. Я очень даже занята!

Она решительно распечатала коротенькое заявление, размашисто его подписала, не обращая никакого внимания на что-то требующую Милу, которая даже реквизиты их компании постоянно вбивала в рыбу договора с ошибками, не говоря уже о всем остальном, и отправилась к директору.

– Елена? Вы отправили таблички банку?

– За прошедшие полчаса с момента нашей с вами последней встречи? Нет, Егор Дмитриевич, не отправила. И даже не сделала их. Просто потому, что это нереально! И даже больше вам скажу – и делать их не буду! А вот это сделала и принесла вам на подпись.

Егор Дмитриевич нахмурился, вдохнул побольше воздуха для суровой выволочки обнаглевшей сотрудницы, но перед этим машинально глянул на протянутый листок и резко выдохнул.

– Это чего ещё?

– Заявление на увольнение! – довольно сообщила Елена.

– Елена Васильева, да ну, что вы! Вы обиделись из-за отпуска? Это несерьёзный подход! Мы поговорим как взрослые люди и всё решим.

– Это очень серьёзный подход. Я не могу справиться с тем объемом работы, который вы мне поручаете. Даже больше скажу, он выше моих возможностей. Очень вам желаю найти главбуха, который сможет справиться со всеми вашими запросами и нуждами, но это уже буду не я!

Через несколько минут весь офис знал, что Елена увольняется, к вечеру это знание перешло в шоковое состояние, потому что ровно в шесть вечера главбух встала и ушла с работы!

– Блин, она, похоже серьёзно! – догадался директор. – И чё делать?

Нет, найти главного бухгалтера можно без проблем. Проблемы начинались дальше. Елена была надёжна как бронированный сейф в швейцарском банке и волокла на себе такую гору работы, для выполнения которой надо было нанимать как минимум ещё пару рядовых бухгалтеров, юриста и кадровика!

– Прибавить зарплату? Будет дешевле! – воспрял директор.

– Нет. Всех денег я не заработаю, а жить хочу! – отмела главбух выгодное предложение.

И подумала:

– Я, может, жить только начинаю! Кошку завела, траву увидела, листья... Весну рассмотрю, с сыном повожусь, пироги с мамой затеем, а летом все вместе за грибами будем ходить, а то папа всё ворчал, что ему меня так не хватает на тихой охоте. Нет уж, оставайся сам со своими цехами, кредитами, табличечками, договорами. Я – пас!

Она шла домой и удивлялась, как вокруг красиво... Май выдался холодным, но таким изумительно ярким, радостным. Словно первым в жизни Елены после долгого-долгого перерыва.

– Наверное, так и есть. Я будто выпала из жизни, а она такая замечательная! А ещё, ещё у меня впереди радости и приятности!

Радость – попить чаю с родителями, забрать сына ещё засветло, и отправиться вместе домой, придумывая имя их кошке. Радость – вдвоём зайти и купить по дороге чего-нибудь вкусного, и не забыть кошачьей еды! Радость – открыть дверь и обнаружить на пороге встречающую их кошечку. Радость – ощутить себя человеком, пусть и с некрашеным дачным домом, и с несделанным ремонтом, зато человеком живым, здоровым, и уже всё менее похожим на несчастную конягу! Кони же бывают разные. Может она и тягловая лошадь, но нынче свободная и счастливая!

И уж огромная радость, засыпая с кошкой на голове, явственно слышать:

– Всю усталость долой, ты со мной, я с тобой, помурлычу тебе, будет мягкий покой, как кошачьи шаги будут лёгкими сны, позабудешь тревоги вчерашней весны. Разлетятся они под растущей луной, не вернуться к тебе, я с тобой, ты со мной.

Самый предпоследний шаг

Настроение было хуже некуда! Просто оторви и выбрось! Шел домой нога за ногу и предвкушал очередной скандал с женой. Все претензии были выучены наизусть.

– Опять начнётся – денег мало, по дому не помогаешь, с ребенком не занимаешься, друзья и пиво тебе дороже нас, и гр-гр-гр-гр! Тошнит уже! Дура! Да! Что я не имею права что ли? Имею! Я устаю и так отдыхаю, раз уж дома никакой передышки не видно! – завел Сашка себя прилично и к дому пришел уже таким раздраженным, что и крошечной искры хватило бы, чтобы как у какого-то там писателя «из искры возгорелось пламя»! Про пламя он что-то ещё со школы помнил, но детали подзабыл.

Поначалу казалось, что всё не просто хорошо, а подозрительно великолепно. Жена улыбалась, сын сиял. Сашка сразу напрягся. По его наблюдениям это означало, что от него чего-то надо. Напряжное и затратное.

– В Турцию не поедем! – сразу предупредил он жену.

– Да я и не думала, что поедем. Я и так знаю, что ты не сможешь заработать! – жена набрала было воздуха в грудь, дабы продолжить, но бросила взгляд на умоляющее лицо сына и выдохнула. Молча.

– И комп новый я тебе не куплю! – Сашка определил источник угрозы и обратился уже к отпрыску.

Но сын Сенька с готовностью закивал вихрастой головой. – И не надо!

– Таааак, тогда чего от меня нужно?

– Пап! Я тут вот... Пап, можно мы котенка оставим? – сын метнулся в комнату и вынес на руках маленького черного котёнка. – Пап, ну пожалуйста! Я тебя очень-очень прошу!

Сашка брезгливо глянул на чёрный комок на руках сына и мотнул головой.

– Я вам уже двести раз говорил! Никаких тварей в моём доме не будет! А это отнеси туда, где взял!

Сын прижал котёнка к груди, бросил отчаянный взгляд на маму, та моментально откинула все попытки улыбнуться мужу, вспомнила претензии, копившиеся с последней позавчерашней ссоры, и через секунду в квартире бушевал ураган!

– Я вам сказал! В моём доме никаких блохастых тварей не будет! – наконец заорал Сашка так, что соседи сверху привычно застучали по трубе.

– И выкинь эту гадость немедленно! – он ткнул пальцем в сторону котенка, и сын метнулся мимо него, выскочил из квартиры и с топотом ринулся по лестнице.

– Вот и правильно! Чего ты сама не могла его заставить? – он не излил ещё все негодование на жену, и вдруг удивленно замолчал. Она только что стояла красная и злилась, а тут... Замолчала, тоскливо опустили плечи.

– Устала я с тобой. Никто тебе не нужен, и любить ты разучился. Даже сына не пожалел. Он этого котёнка у мальчишек старших отнял. Не побоялся, хотя его ударили, всё равно отбил. Меня так умолял... Да даже если бы это не котенок был, а дог какой-то, я бы согласилась! Он никогда ничего так не просил! Ему это очень было надо! Очень! А ты? Ты же говорил, сам мне рассказывал, как тебе больно было, когда твой отец выбросил твоего кота. Помнишь? Говорил, что ты отцу не нужен был совсем, как маме твоей было тяжело, вспоминал. Да она и сама мне описывала. И ты сам, сам стал таким же! Точно таким же!

Сашка гневно развернулся к жене. Он-то собирался сказать, чтобы она заткнулась и дала бы ему передохнуть! И вдруг вспомнил! Словно кто-то щелкнул выключателем в голове, и перекошенное гневом лицо отца возникло перед его глазами как наяву.

– Я вам сказал! В моём доме никаких блохастых тварей не будет! А это отнеси туда, где взял! Убери с глаз моих эту погань! – отец тыкал пальцем в кота, которого он, Сашка вытащил

из помойного бака, и три дня прятал у себя в комнате. Всё надеялся, что отец сменит гнев на милость и позволит оставить кота дома. Сашка так мечтал, как они с котом буду дружить, как кот Василий будет его ждать из школы! Мама плакала, просила отца, и он, Сашка нипочём не соглашался избавиться от кота. И тогда отец схватил кота и вышвырнул его в окно. Да, этаж был второй, и кот не разбился, но крик его Васи, который уже было понадеялся на то, что нашел дом, где его любят, заставлял Сашку сжиматься от ненависти, словно ему внутренности поливали кипятком!

Сашка вдруг удивился, почему вокруг темно, и тихо. И с трудом сообразил, что он стоит почему-то с закрытыми глазами в тёмном коридоре. Жена практически беззвучно всхлипывала в комнате, а он обернулся на зеркало у входа и первый раз за долгое время всмотрелся в своё лицо. Как же он стал похож на отца...

– Я всё понял! Я ненавижу. Я ненавижу... Себя! – Сашка выскочил из квартиры, ринулся вниз по ступенькам, напрочь забыв про лифт, и заметался у подъезда. – Где Сенька?

Он искал сына долго. Забежал домой, в надежде, что ребенок вернулся и застал жену, упаковывающую вещи.

– Ты чего?

– Я решила, что мы лучше к маме уедем!

– Так, не ерунди, мы потом разберемся кто куда поедет! У нас дети пропали!

– Каккие дети? – жена даже отпрянула от него, на секунду решив, что он сошел с ума.

– Как какие? Сын Сенька и кот Васька! – он и забыл уже, какая у него красивая жена, когда у неё на лице вдруг появляется улыбка.

– Этто не кот, а кошечка! – она утёрла слёзы.

– Значит, Василиса! И не спорь! Я так решил! Так будет в моём доме! Да, кукушка ты, а не мать! Ты услышала, что у нас сын исчез? – он обнял жену. А та сквозь слёзы рассмеялась. Фраза была не обидной, а семейной. Когда-то совсем маленький Сенька спал по полчаса в день, а остальное время вопил, и Лиза засыпала, как только засыпал сын. В любом положении. И однажды Сашка сына забрал, отнёс в кровать, а Лиза так и спала сидя, сложив руки, словно держит ребенка. И со сна металась, причитая, что она сына потеряла. Вот тогда кукушка и придумалась.

– Он не исчез. Он прячется на верхнем этаже на окне. Там у него тайное место! – Лиза не стала упрекать мужа, что он не знает таких важных вещей про сына. Как-то не получился упрёк. Рассыпался на языке в мелкие и ненужные звуки.

– Ты правда решил, что котёнка оставишь?

– Правда! Конечно, правда! И... Прости меня! Я что-то совсем устал и как-то всё забыл. Всё, что для меня действительно важно!

– И ты меня прости. Я тоже... Совсем забыла, какой ты. На самом деле! Замечательный! И, знаешь, давай мы отложим с расширением квартиры. Тяжко пока по деньгам. Мы и так неплохо живём. Всего нам хватает. А ты с подработками совсем себя загнал.

– Да и ты тоже вкалываешь всю. Правда, двушка маловата, тем более что нас теперь четверо, но, мы никуда не опаздываем, подождёт это, не убиться же нам! А то так заработать заработаем, а друг друга потеряем! – он вздохнул облегченно, ощутив, что решение правильное. Они оба уже почти надорвались. И тут же встряхнулся.

– Хотя, про никуда не опаздываем, это я погорячился! А к сыну и Василисе? Пошли?

– Пошли!

Сенька рыдал горько и самозабвенно.

И почему взрослые так часто забывают, что у человека в детстве шкурка на сердце гораздо тоньше и уязвимее, чем у них самих? Да, нарастёт в своё время панцирь из пережитого, из потерь, разлук, мелких или крупных предательств, но пока-то всё по живому, так что прямо рана и больно-больно!

– Ну как я могу её выбросить? Как? Она же маленькая, погибнет! Ей же хотели шёрстку подпалить! Это вот как? Ну как же это? Я... Я его... – он только хотел сказать, что ненавидит отца и вдруг услышал шаги на лестнице. Подоконник, на котором он сидел, был в закутке около закрытой чердачной двери, и обычно тут никого не бывало. Сенька сжался в комок, пряча доверчиво задремавшую маленькую кошечку за пазуху, и увидел отца. Только открыл рот чтобы что-то сказать, закричать, яростное, громкое. Да так и замер с открытым ртом.

– Сень, прости меня! – Сашка никогда не просил прощения у сына, полагая, что тем самым понизит свой авторитет, а вот сейчас понял, что глупости всё это. – Иди домой, и Ваську неси.

– Ппппочему Ваську? – Сенька ничего не мог понять. Даже головой помотал.

– Потому что Василису!

– Ппааааап! Пап, ты правда разрешаешь?

По лестнице к ожидавшей их Лизе спускался Сашка, на котором как обезьянка висел восторженный сын, а на Сашкином плече важно восседала новоиспечённая Василиса.

Ангел-хранитель тоже спускался за Сашкой. Он держался в воздухе чуть поотдаль за спиной своего человека и облегченно вытирал лоб. У них действительно очень тяжелая работа. Сашка не знал, что ему оставалось всего два шага. Если бы он выкинул котёнка, жена и сын ушли бы из дома, он сам отправился бы к приятелю отпраздновать свободу. Купил бы по дороге водки, и умер бы к утру от отравления этой самой выпивкой.

– Знал бы ты, как с тобой сейчас было трудно! – вздохнул ангел. А Сашке показалось, что рядом пролетел тёплый ветерок с явным запахом цветущей липы.

– Надо же! Уже лето вовсю и липа цветёт, а мы почти всё пропустили! – рассмеялся Сашка. – Пошли завтра гулять, есть мороженое и смотреть на липы? Заодно отпразднуем появление у нас Васьки! И да... Покажешь мне потом, кто посмел тебя ударить! – Сашка знал, как надо много смелости, чтобы пойти к старшим и что-то у них отнять. Поэтому добавил:

– Я очень тобой горжусь!

Мисс Марпл московского разлива

Раиса Викторовна вела слежку по лучшим заветам партизанского движения – тебя не видно, но ты есть и в засаде!

Засада была оборудована на балконе её квартиры. Третий этаж – это самое удобное местоположение для наблюдений за окрестностями. Выше – мешали бы деревья, ниже – ну, это уж совсем не интересно!

Впрочем, сейчас ей было не до интереса. Из-за поросли девичьего винограда, оплетавшего половину её балкона, она следила за подвалом.

– Вопрос жизни и смерти! – мрачно думала она. Вообще, мрачных раздумий в её жизни была не так уж и много. Пенсионерка, да, но вполне неплохо обеспеченная, спасибо покойному мужу, купившему вторую квартиру, и сыну, который предпочёл себе на жильё зарабатывать самостоятельно. Сын и невестка есть, двое внуков имеются, здоровье для её лет неплохое. Казалось бы... живи и жизни радуйся. Только вот кошки!!!

Кошек Раиса Викторовна не любила, она их обожала! У самой жили четверо подобранных, выхоженных из практически помирающего состояния, а сейчас выглядящих лучше, чем лорд-канцлер! Собственно, с невесткой Раиса Викторовна, при её-то непросто характере, мирилась тоже из-за кошек. Вот бывало прямо есть желание поругаться! Ну, бывает же у всех иногда! Приедет она к сыну и невестке, а там две кошки и кот. Тоже Раисой Викторовной спасённые и невесткой принятые в дом в семью. Ну и как ругаться в таких условиях? Правильно, никак!

– Ты невыносимая невестка, Любочка! Я с тобой даже поссориться не могу – ты меня сразу котооружием обесточиваешь! – хмыкала Раиса Викторовна. Правда, хмыкала расслабленно и довольно. Вот там, в семье сына, ей и правда было спокойно и хорошо, не то, что тут, на собственном родном балконе.

Проблема, которая заставила Раису Викторовну прятаться в голых по зимнему времени плетях винограда, была очень печальна: в их двор прибилудилась кошка. Да не просто какая-то, а беременная. И не просто пришла, а родила у них в подвале двух котят. Раиса Викторовна узнала об этом из донесения дружественного дворника Ахмеда, и тут же поспешила к кошке.

Сколько же она уговаривала её выйти! И ни в сказке сказать, и ни пером описать.

– Бил её бил... – переживал Ахмед.

– Кто? – взвилась Раиса Викторовна.

– Не знал... Но кто-то бил! Боитссса! – глубокомысленно вещал Ахмед, и недрогнувшей рукой был послан на уборку снега. А как же! Старшая по дому Раиса Викторовна спуску не давала!

– Умный такой... А то я не догадалась! – злилась Раиса в сторону, куда поспешно удалился Ахмед. Но сколько она не пыталась выманить кошку, так ничего у неё и не вышло. – Ладно! Я тебя буду кормить, ты привыкнешь, и выйдешь! – оставив план действий для кошки, Раиса решительно отправилась за кормом.

Дни шли за днями, котята потихоньку подрастали, кошка дичилась по-прежнему. Ахмед что-то почти беззвучно бурчал себе под нос, предусмотрительно замолкая, когда видел нахмуренную Раису Викторовну, и вдруг...

– Котёнок пропал! – Раиса их видела постоянно. Мелькали за кошкой две лёгкие тени, а сейчас... – Один остался!

В голове тут же закрутились страшные мысли о пропаже и гибели доверчивого кошачьего ребёнка. Нет, подвал, конечно, же запирался на ключ. Кошка туда проникла через продух, и если бы была на то воля Раисы Викторовны, больше сюда никто и не заходил бы, кроме неё самой и Ахмеда. Но, к сожалению, по какой-то странной прихоти строителей и электриков, все

электрические счётчики в их доме находились именно в подвале! Да, в облагороженной его части, но никто ведь не мешает какому-то злодею пролезть дальше, увидеть кошку и поймать малыша!

– Ахмед! – рявкнула Раиса Викторовна, – Кто вчера заходил в подвал?

– Тирое... – заторопился дворник. Старшая по дому могла быть очень вредной тёткой и попадать под горячую руку ему не хотелось. Он старательно перечислил приходивших к счётчикам людей, и Раиса хищно прищурилась.

– Так! Марина отпадает у неё кот и собака. Она сама кого хочешь загрызёт за котёнка. Наш человек! А вот Вадим с пятого и этот... мальчишка из новых жильцов, очень и очень подозрительны! – рассуждала Раиса.

Вообще, если бы не повод, то она получила бы от расследования чистую и незамутнённую радость. Ей страшно нравилось решать небольшие загадки и рассуждать в духе мисс Марпл.

– Да, все вокруг могут натворить дел! Главное-то понимать, кто какое именно! – по мнению Раисы Викторовны, английская деревня середины прошлого века, по зловещим замыслам её обитателей мало чем отличалась от их микрорайона. – Люди – они и есть люди. Две руки, две ноги и наполнитель! – думала она. – Наполнитель, как правило, не ахти! Пакостный. Вот, например, Лида со второго этажа. Может, она и забыла, как покупателей обвешивала, но я-то помню. Или Витька с четвёртого – пил, пьёт и пить будет, сколько бы не врал, что завязал! А эти... с пятого? Вадим со своей женой? Непонятно на что живут. На работу не ходят, тратят много. Это что, честно заработанное? Да счазззсс!

Раиса Викторовна знала что-то этакое практически про всех жильцов дома кроме новеньких – Максимовых. Эти приехали на шестой этаж, откровенничать ни с кем не стали, ну это как раз по нынешним временам дело обычное. Но у них был подросток! Мальчишка тринадцати лет – Костя.

Имя Раисе нравилось, а мальчишка – категорически нет!

– Всем известно, что нынешние подростки, это ужас жуткий! Что вытворяют, что делают! – бормотала Раиса Викторовна. – Не то, что в моё время! Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя... Ой, нет, это не к тому! – остановила она себя. – Мальчишка весь такой подозрительный, всклокоченный, мрачный! Глазами зырк-зырк. Да, здороваётся, но так... сквозь зубы! Такие-то самые для кошек опасные! – думала она, страдая по исчезнувшему котёнку. – И ведь, скорее всего, это он котёнка поймал, живодёр!

Она ходила по собственной чистейшей и уютнейшей кухне, сопровождаемая взглядами четырёх пар кошачьих глаз и переживала. – Надо было вызвать ловца с котоловкой и забрать их всех! Только вот... Напугали бы малышкой, а если бы они за трубы забились? И тогда не достать. А ну как застряли бы где-нибудь там! Тоже плохо. Ой, вот беда. Погубил мерзкий мальчишка котёнка, как пить дать! Плохо-то как!

Через пару дней выяснилось, что тогда было ещё вовсе даже и не плохо, а вот плохо – сейчас!

– Пиропал! Савсэм пиропал! – сокрушался Ахмед, жалея, что не попросился работать на другой участок. Ну и пусть там парк, и чуркой многие ругаются, зато никто не стоит с таким ледяным бешенством в глазах!

– Кто был? – прошипела разъяренная Раиса Викторовна.

– Нэ знал! У шеф был! – Ахмед замахал рукой в направлении диспетчерской.

Раиса была слишком хорошо воспитана, чтобы вслух сказать, что именно она думает о диспетчерской и всех дворничьих шефах разом.

Она вернулась домой совсем расстроенная. Очень хотела пойти и потрясти за шиворот мальчишку, но не пойман – не вор, даже если речь идёт о котятках!

– Ладно-ладно! Я тебя поймаю! – решила Раиса Викторовна и засела в засаде на балконе.

Два дня ничего подозрительного она не замечала, разве что местных ворон, которые только крыльями у висков не крутили, обнаружив призасыпанную снегом неподвижную фигуру, которая, оказывалась человеком.

Кошки Раисы Викторовны в полном составе убедились в том, что люди все того... И даже лучшие из них! Поэтому, правильнее всего делать вид, что это всё в норме вещей! Подумаешь, приходит хозяйка с балкона, где пряталась за голыми и скрюченными от мороза ветками винограда. Улыбайтесь по-кошачьи в усы и вздыхайте о несовершенстве мира. Что с человека-то взять?

– Не делайте вид, что мне в Кашенко пора! – сердилась Раиса Викторовна. – Я просто хочу поймать негодяя. – Я на охоте!

– Ну, вот! А утверждает, что нормальна... – сочувственно переглядывались коты. – Кто ж охотится при полном холодильнике, да в такой мороз! Может, про холодильник забыла? – и они дружно провожали хозяйку к почти самому важному кошачьему месту в доме.

Ни один кот так не караулил мышшь! Ну, по крайней мере ни один из живущих у Раисы Викторовны. Но она всё-таки дождалась!

– Паршивый мальчишка! Я знала, что это он! Ну, всё! Ну, погоди! За кошкой пошел! Точно! Ещё и с переноской! Совсем обнаглел! Да я его самого сейчас туда утрамбую!

Раиса Викторовна на всех парах рванула к выходной двери, не забыв закрыть балкон и горько сожалея, что летать на метле не умеет! Сколько бы времени сэкономила!

С третьего этажа она сбежала так, как в юности на свидания не бегала, прокралась к приоткрытой подвальной двери и просочилась туда.

– Ну, ты понимаешь, да? – услышала она голос мальчишки.

– С кем это он? Сообщника привёл? – Раиса прихватила лопату, оставленную Ахмедом, и подобралась поближе. Заглянула за угол и прислушалась.

– Ты вот прячешься, это правильно, конечно. Только я ж не просто так. У нас дома беда случилась. Кот умер.

Раиса насторожила уши. Интонация разговора была какая-то не та... – Небось, зубы кошке заговаривает? – предположила она мрачно.

– Он у нас жил девятнадцать лет. Понимаешь? Я, когда родился, он уже был взрослый – шестилетний. И мама говорит, что он меня решил воспитывать. Ну и ругался он с родителями. Они всё— всё делали не так. И укладывали не так, и мыли в воде, и кутали в одежду... У меня и фото дома есть. Я сижу на полу, а рядом Василий. Это он меня так выгуливал – караулил. И потом воспитывал, и опекал. Ты понимаешь? Он мой друг был. Лучший. Я ж всю жизнь с ним. Только он стареть начал. Нет, ты не думай, он меня всё равно воспитывал и ругался, и ворчал, когда я что-то не так делал. А мы даже не переезжали, потому что боялись, как он в новой квартире будет – он видел уже плохо. А потом... – мальчишка всхлипнул.

– Я не могу так! Понимаешь? Мне родители обещали, что британца купят весной. Там у знакомых какие-то супер-пупер котята будут. А мне лучше кошка в руках, чем британец в небе. Я уж и так, и этак. Ну и уговорил! Сказал, что котёночка возьму и взял! А он к маме прилип. Вот как натуральный банный листик. Чудик такой. Мамин оказался. Она тоже по Ваське очень скучала, плакала, когда думала, что я не вижу. А вторая кошечка сразу к папе на руки полезла. Меня в упор не видит. А я? А я, получается, опять без кота!

Раиса Викторовна даже дышать боялась. Она-то шла на бой, а тут...

– Ну, пожалуйста, пошли, а? Ты же не глупая, понимать должна, ты мне очень нужна! Мне почему-то кажется, что Васька бы тебя одобрил. Может, может, ты Василиса?

Раиса не выдержала и потихоньку выглянула.

Мальчишка, который казался ей таким хулиганистым, мрачным и бандитским, сидел на корточках и протягивал руку к кошке, вышедшей к нему из-за труб.

– Ко мне и близко не подходила! – мимолетно подумалось Раисе. – Видимо, это и правда, Василиса!

– Ты моя хорошая! – Костя гладил кошку, – Пойдём домой, да? Там же и дети твои! Ты мне поверь, пожалуйста, я тебя точно не обижу! Ты как, в переноске поедешь или на руках? Да, я так и подумал, что лучше на руках, переноску так взял, на всякий случай. Она ещё Васина. Я не смог её выбросить!

Раиса отступала по всем правилам партизанского отряда – быстро и незаметно. Рысью выскочила из подвала, прихватила за шиворот Ахмеда, который собирался туда идти за лопатой, сунула ему в руки эту самую лопату и элегантно броском отправила его за угол – снег чистить, а сама сделала вид, что только-только к подвалу подошла.

Костя шел к выходу из подвала, напрочь забыв про переноску, обнимая обеими руками кошку, которая прижалась к нему под курткой. Он увидел вечно хмурую тётку с третьего этажа и машинально прикрыл кошку локтем, словно защищая её. А ну, как начнёт кричать, чтобы он выбросил Василису! На его взгляд, эта самая тётка как раз могла! Она так подозрительно оглядывала его каждый раз, словно он что-то украл, а потом поджимала губы. Дескать, пока я тебя не поймала, но это только вопрос времени. Так что ничего хорошего для них с Васькой он не ждал, а эта самая тётка вдруг... улыбнулась. Да так радостно!

– Неужели, тебе удалось её уговорить выйти? – Раиса Викторовна чувствовала себя так, словно ей вручили самый-самый лучший подарок, да ещё неожиданный, сюрпризный, небывалый!

– Дда, – признался Костя.

– Какой ты молодец! Я-то её уже полтора месяца пыталась приручить. И её и котят. Ты, кстати, не знаешь, где они?

– У нас! Я сначала котика сумел выловить, а потом кошечку, – Костя вроде даже удивился. Тётка-то не такая уж и мрачная. Только вот глаза странно поблёскивают, словно плакать собралась.

– Как же я рада! А я-то думала, погибли! Ахмед! Ну, что ты стоишь? – она повернулась к страшно довольному дворнику, который прятался за лопатой в надежде, что его не заметят.

– Так радуюсь! – признался улыбающийся дворник. – Кот живой, эт, хорошо!

А Костя-то так от него прятался, опасаясь, что дворник найдёт кошку и котят и что-то им сделает.

– Ой, ну, что ты стоишь? Иди скорее, она же боится! – запереживала Раиса Викторовна. – Вот мальчишки пошли! Погоди, я тебе дверь в подъезде открою, а то у тебя руки заняты.

Она смотрела в спину Костику, который торопился с кошкой домой и не замечала ни нечищеного снега, ни того, что замёрзла, ни Ахмеда, который улыбался так, словно ему половину Самарканда подарили.

– Надо же... Какой, оказывается, парнишка душевный. И семья славная. А я-то... Уууу, напридумывала! Ну, кто ж знал, что он такое исключение? Вот в моё время...

Она машинально отправилась в подвал, забрала оттуда Васину переноску и, решив поставить новым соседям под дверь, шла, припоминая «её время».

– А ведь был у нас в классе Гавришин, который кота избил, его соседка спасла. И Света Душикова, которая котят топила. Сама топила и говорила, что ничего тут такого нет. И Аня Ванина, которая мечтала, что её дворняжка умрёт, а ей тогда родители пуделя купят. Они-то тоже были. Значит, дело вовсе не во времени, а в самих людях?

Она зашла домой, положила в переноску несколько пакетиков лакомств для кошек и написала записку: «Добро пожаловать! Мы вам очень рады! Спасибо, что приютили кошачью семью».

Вечером, когда мягкий тёплый свет заливал её кухню, а на руках улеглась самая шустрая из кошек, когда пофыркивал чайник, подпевая дружному кошачьему мурлыканью, она вдруг

поняла, что стала счастливее. И не только потому, что котята живы, что и они, и кошка пристроены, а ещё и потому, что мир неожиданно оказался не так уж и плох!

Нет, Раиса Викторовна не стала очень доверчивой. Она по-прежнему подозрительна и любит мечтать о расследованиях в духе мисс Марпл. Правда, с Максимовыми неожиданно подружилась.

– И новые люди могут быть ничего себе. И подростки нынче очень даже ничего... кто бы что не говорил. И да, мальчик-то абсолютно прав! Кошка в руках гораздо лучше журавля в небе!

Что растёт на яблонях Бирюка

Обычный продуктовый магазинчик был до отказа заполнен гневным голосом одной из покупательниц:

– Я на вас в СЭС пожалуюсь! Что такое? Почему у вас кошка какая-то между дверей сидит? Помойное животное! Грязная, заразная! А тут продукты! И почему это я должна ходить рядом со всякой гадостью?

Пронзительный голос словно пробивал голову навывлет.

Продавцы переглядывались обреченно. Покупательница была из постоянно-невыносимых. Никому не было понятно, почему она упорно ходила в их магазинчик, если запросто могла покупать продукты где-то в другом месте.

– Зой, выгони ты кошку! – велела Марина.

– Сама выгони! На улице дубняк и дождь, я не пойду! – дёрнула плечом Зоя. На самом деле, кошку было очень жалко. Мокрая шерсть облепила худое тельце, она забилась в самый дальний уголок в надежде, что её не прогонят на холод. Но как назло именно сейчас в магазин занесло эту крикунью!

– Вы что? Меня не слышали? Я же вам сказала избавиться от этой гадости! Где ваш хозяин?

Нет, день для несчастной животины был страшно неудачным. Зоя уже собралась было потихоньку вытянуть кошку из предбанника и через заднюю дверь проскочить с ней в подсобку, как вдруг у входа в магазин нарисовался Бирюк!

Бирюков Игорь Сергеевич – хозяин магазина был человеком очень хмурым, нелюбезным. Никогда не поддерживал шутки или смех продавщиц, не балагурил. Жестко гонял за любую провинность или неопрятность – видать сказывалось военное прошлое. И он терпеть не мог животных!

В прошлый раз все продавщицы видели, как он забрал крошечного котёнка, случайно заскочившего в магазин! Котёнка они пытались приютить. Прятали в подсобке почти неделю. Ну, не на мороз же его выкидывать. Так нет... Внезапно приехал Бирюк, зашел в подсобку, обвёл тяжелым взглядом уголок, где наивно мурлыкал рыженький тёплый комочек, поджал губы, хрюкнул что-то неодобрительное на продавщиц и забрал котика!

– Выкинул где-то подальше! – плакала Зоя. – Вот же! Бирюк! Одно слово, Бирюк!

А собака? Они не видели, кто привязал молоденького полукровка-овчарёнка к поручню у магазина. Зато все покупатели обращали внимание на вытянувшуюся в струнку псину, которая ждала, когда же за ней придут! Привязали-то утром, а вечером стало понятно, что никто не вернётся за собачьим подростком. Никому он не нужен!

Марина от безнадёги и позвонила Бирюку. – Игорь Сергеевич, что делать?

Тот только буркнул что-то мрачное, приехал, презрительно глянул на свой персонал, отвязал поводок и уволок щенка в машину.

– И тоже больше никто пёсика не видел! Прямо жалею, что ему позвонила! Надо было просто отвязать поводок, и пусть бы бежал. Может, прибился бы к кому-то! – говорила потом Марина подругам.

И вот сейчас, как назло, принесла нелёгкая в магазин Бирюка!

– Где ваш хозяин? – взвизгнула вредная тётка. – Где, я вас спрашиваю?

– Я хозяин! – Бирюк чем-то напоминал медведя. Когда он заходил в магазин, площадь его как-то сжималась, уменьшалась на глазах. – Что случилось?

– А вы что, слепой? Не видите? Антисанитария полная! Кошка какая-то драная между дверями!

– Нет там уже никакой кошки, – глухо сказал Бирюк и продавщицы обреченно переглянулись, мысленно прощаясь с несчастной кисой.

Скандальная баба повизжала ещё что-то, впрочем, уже значительно менее пронзительное, купила пачку геркулеса и убралась. Бирюк тоже ушел, напоследок окинув подчиненных мрачным взглядом.

– Пропала бедняга! – вздохнула Зоя.

– Да, вывезет на трассу и кинет! – кивнула Марина. – Прямо хоть увольняйся!

И именно в этот злосчастный, неудачный для животных магазин, через пару недель и пришла совершенно необычная кошечка.

– Ой, Зойка, глянь! Глазища-то какие! Прямо фиалковые! – ахнула Маринка, увидев изящную кошачью мордочку, показавшуюся в дверях.

– Мамочки, какая красавица! – Зоя не выдержала и вынесла гостье пару колбасных обрезков.

– Мррря! – очень мелодично отозвалась кошка.

– Как спасибо сказала! – рассмеелась Зоя. – Ах, ты какая! Породистая, небось. Ой, Марин, а худааяаяя! Неужели, бросили и такую?

– Да всяких бросают! – безнадежно махнула рукой Марина. – Выведи ты её. А покормила зря! Она ж теперь запомнит, возвращаться будет.

Кошка и не подозревала, что её собираются выгнать. Ласково потёрлась о протянутую руку, поставила изящную лапку на Зоино колено, заглянула в лицо.

– Эх, милая, я б тебя взяла, да только куда? В квартиру-то не возьмёшь! Вот был бы дом свой, тогда да! – тяжело вздохнула Зоя.

– Нет, ну это уже безобразие полное! Вы их ещё и приманиваете здесь! – знакомый, отвратительно-пронзительный голос раздался от дверей магазина. – Опять какая-то мерзкая кошка, да ещё на торговой площади! Ну, всё! Сейчас я вам устрою!

Кошка, перепугавшись покупательницы, забилась под прилавок, а та, начала звонить по каким-то загадочным телефонам, собираясь примерно наказать торговую точку за постоянные нарушения санитарных норм и прочих правил!

– Вызывайте своего хозяина немедленно! Иначе... Иначе я полицию вызову!

– Да полицию-то почему? – удивилась Марина.

– Потому, что они приедут на вызов! – загадочная аргументация покупательницы заставила Марину набрать номер Бирюка.

– Сейчас подъеду! – глухо прогудел он. И правда, прибыл быстро. Хмуро выслушал скандалистку, вздохнул, вытащил кошку из-под прилавка и уехал.

– Ну, добились? Он теперь её выкинет где-нибудь на дороге! А всё из-за вас! – не выдержала Зоя. Как ни странно, покупательница довольно кивнула и гордо удалилась, напроць забыв, зачем, собственно, в магазин шла.

– Всё! Это последняя капля! Не могу больше! Увольняюсь! – решила Зоя. – Ненавижу этого типа! Бессердечная гадость, а не человек! Всё, вот месяц отработаю и уйду!

Через неделю Зою позвала в гости Настя – давняя знакомая, жившая в частном доме в соседнем посёлке.

– Зойка, а что ты такая мрачная?

– Да вот, увольняться решила. Ненавижу Бирюка! Да ты его знаешь, вы ж в одном классе учились. Он и в школе таким гадом был?

– Игорь? А что он такого сделал-то? – Настя удивленно подняла брови. – Он, конечно, не образец воспитанности и яркой харизмы, но очень приличный мужик.

– Приличный? Да он кошек и собак знаешь сколько сгубил? – Зоя вспомнила последнюю кошку, её фиалковые доверчивые глазища и чуть не заплакала.

– погоди. Ты сейчас о ком? О Бирюкове?

– Ну, да! А о ком же? Да, понятно, к нам часто подбрасывают живность, да и сами они приходят погреться. Ну, что жалко тебе? Пусть посидит, мы потом выпустим. Так нет! Всех забирает и выбрасывает!

– Куда выбрасывает? – опешила Настя.

– Не знаю! На трассу, наверное. Их больше никто не видел, – зло выпалила Зоя. – Ненавижу его!

– Зой, а хочешь я тебе кое-что покажу? – вдруг улыбнулась Настя. – Пошли, прогуляемся!

Зоя шла насупившись, хмуро косилась на знакомую. Приехала-то в гости, да ещё на жизнь пожаловаться, а её куда-то тянут!

– Вон, смотри! Может, узнаешь, кого? – Настя показала рукой на большой дом за крепким забором. На кирпичном столбике забора сидела изумительно красивая кошка с фиалковыми глазами.

– Это чего? – ахнула Зоя. – Он что, её себе оставил?

– Да у него кошек штук двенадцать и четверо собак. И да, одна именно что похожая на овчарочку. Молоденькая такая. Вон, смотри, ещё один сторожевой зверь! – Настя рассмеялась, потому что на дереве около забора показалась рыжая пушистая рожица.

– Ой, и Рыжичек тут! – Зоя вдруг сообразила, что видит она как-то плохо. Вытерла слёзы и кинулась Насте на шею. – А я-то думала – изверг!

– Он просто медведь-медведем, никогда не был очень любезным или вежливым, душой компании. Зато настоящее золото, когда помощь кому-то нужна! И семья у него классная. Так что не суди так опрометчиво, пока не увидишь, что на деревьях у человека растёт. У кого-то на яблонях – яблоки, а у Бирюка на яблонях – кошки! – рассмеялась Настя.

– Пошли, чай пить и пирог есть, тем более что тебе теперь, насколько я понимаю, новую работу искать не надо. Можем отпраздновать этот факт!

Зоя ехала домой в автобусе и чувствовала себя... счастливой.

– Ну, надо же! Вот тебе и Бирюк!

Когда она рассказала Марине и сменщицам, те только ахали, а потом дружно вытирали глаза.

– А мы-то кости ему перетираем, да костерим почём зря! – покачала головой Марина. – Так, девочки, мне прям неловко стало. Может... это... окна помыть в виде извинения?

Игорь Сергеевич давно махнул рукой на попытки объяснить продавщицам, что нельзя животных в магазине прятать, попадутся СЭС – проблем будет море! Не понимал он и их косых взглядов.

– Ну, жалко – возьми себе! Ни у одной же нету животинки. А всё туда же! Аж дырки во мне взглядами прожигают, мол, не оставил. Да нельзя им тут! И плохо, даже если не брать СЭС в расчёт. Люди-то разные. Кто-то погладит, а кто-то пнёт. Или вот убегут, пропадут!

Он подъехал к магазину с полным багажником свежего хлеба и удивленно уставился на сияющие на неярком ноябрьском солнышке окна. – Чего это у нас такое?

– Ой, Игорь Сергеевич! Вы приехали? – Марина почти напугала Бирюкова, выглянув из дверей и сияя радостной улыбкой.

– Ну, да... А что? – осторожно уточнил он.

– А мы вас так ждали! Мы вам так рады!

– Да ладно... – хотел сказать Бирюк, но промолчал по привычке. Хотя, удивился, конечно, от души.

А через два месяца, после нового года, на пороге магазина возник дрожащий от холода белоснежный комок, с трудом произнёсший тонкое «мяяя». На большее изыбшего котика не хватило.

– Ой, Марина, смотри! – Зоя переглянулась с напарницей.

– Что, Игорю звонить? – вопросительно подняла брови Марина.

– Знаешь... Не надо! Я тут подумала... У него дом большой, конечно, и участок есть. Но всех там много. А у меня квартира, но живём-то вдвоём я и мама. И в квартирах тоже кошек держат. Да и мама совсем не против, я спрашивала. Так что этот – мой!

Маринка посмотрела на молоденькую Зою, поднявшую котика на руки, и кивнула головой. – Идёт! А следующего я своей тётке пристрою. Она, как про Бирюка услышала, всем своим подругам рассказала, и они теперь к нам в магазин ездят. А сама тётушка тоже решила животишку завести. Раз уж бирюки такие бывают, то неужели же у нас сердца нет? А ты давай, дуй домой. Отнеси котейку и возвращайся! А то я передумаю и себе его заберу!

Дом в конце дороги.

Зарёванная Ника обиженно всхлипывала, изливая подругам душу.

– Ууууушëёёл! Сооооовсееем! Сказаааал, что на развооод подаст!

Подруги в количестве четырёх штук активно ругали Макса – мужа Ники и сочувствовали ей. Нет, ну, в самом-то деле, что этому придурку было ещё надо? Ника- симпатичная, фигурка, личико, всё очень даже ничего, а ноги так и вовсе красивые. Хозяйка классная, готовит – пальчики оближешь. Собственно, одна из подруг этим и занималась.

– Шикарный плов! Небось, до скандала готовила? – уточнила Ирка.

– Даааа... – всхлипнула Ника.

– Оно и понятно. После такого и готовить-то не захочется, – Ирка всегда была особой приземлённой и выражения чувств особо не приветствовала.

– Да что ты про плов-то! Тут трагедия такая! Неее, все, все мужики козлы! – решительно заявила белокурая поленькая Лина, которая тайно считала, что Макс ушел совершенно правильно! Мало ли девушек вокруг, чего надо обязательно с этой Никой жить? Вот с ней, Линой, можно ничуть не хуже, а то и лучше!

– Точно! А какая любовь была, какая любовь! Неее, девочки, точно какая-то баба его окрутила! – добавила третья подруга – Мила. Она была замужем и очень следила за собственным мужем, поэтому, посматривала на дурёху Нику свысока. С её-то супругом такого точно не случится!

– Да нет же! – пароходной сиреной взвыла Ника. – Он сказал, что это из-за собааакииии!

Девицы сочувственно переглянулись. Ну, слону же понятно, что это отговорка, да ещё такая... Из тупых! Да разве же нормальный мужик бросит жену из-за какой-то собаки?

– Ник, ты, главное, не обижайся, но это он явно соврал! – «утетила» подругу Ирка. – То есть собака-то явно присутствовала, но не та, что у вас жила, а такая... ну, женского рода.

Ника вытерла слёзы и хмуро глянула на Ирку. Почему-то ей захотелось срочно выгнать их всех из кухни, а заодно, и из квартиры, запереть дверь и повыть в голос!

– Не изменял он мне! – упрямо мотнула она головой.

– Да ладно... – снисходительно разулыбались девицы. – Всё с тобой понятно! Носилась со своей великой любовью, как курица с яйцом, вот и проглядела!

– Надо бы проверить, кто она! – загорелась Мила. Она жила в соседнем доме с родителями Макса. – Я прослежу!

Ника безнадежно махнула рукой. Она была уверена в том, что никакой другой женщины не было.

Проводила подруг, порыдала над посудой, припомнив, как они с Максом её выбирали, потом переместилась с воем и всхлипываниями в спальню. Тут же пожалела об этом, потому что в спальне о Максе напоминало всё! Буквально всё, от обоев до перегоревшей лампочки в люстре, которую он хотел вкрутить до командировки, но не успел.

– Чего? Чего тебе ещё надо было? – она глянула на себя в зеркало. Да глаза заплаканные, лицо... ну, лучше не рассматривать, но это же из-за него! А так-то... Красавица-жена, квартира как на картинке. Еда – как в ресторане. – Чего?!

Она так ждала его! Приготовила вкуснейший плов, до блеска убрала квартиру, а ещё... Ещё сделала то, о чём давно мечтала – отдала Герду. Нет, конечно, она бы никогда не выбросила собаку мужа на улицу! Она долго искала ей самые-самые хорошие и заботливые руки, а когда нашла, едва дождалась, пока Макс уедет, и отвезла псину в её новый дом.

– В нашем доме она никак не нужна! – объясняла она родителям и те кивали. Да, действительно! Ну, какая собака в городской квартире! Да ещё такой ухоженной квартире! Выли-

занной до блеска, с замечательным свежим ремонтом. Нет, не для того они дочери квартиру покупали, чтобы псина зятя там лапами по паркету шоркала!

– Пришел со своей сучкой в твой дом, так пусть скажет спасибо, что ты её не выкинула! – припечатала Никина мама.

– Нууу, если уж по справедливости, то у него тоже квартира есть... – попробовал было напомнить Никин папа, но свирепый взгляд супруги заставил его привычно замолчать.

– Есть! Вот пусть бы там свою сучку и держал! – прищурилась теща.

– Так они же сдают... – совсем тихо напомнил тесть.

– Значит, псине действительно нет места! – сделала выдающийся логический вывод теща, когда узнала, что дочка пристроила дурацкую дворнягу. Зато, после того как зять, вернувшийся из командировки, вместо радости о том, что вечная головная боль с выгулом и шерстью исчезла навсегда, устроил скандал и ушел, только обрадовалась:

– Никочка, не плачь, звёздочка моя! И ничего такого страшного! Вот, у тётки Любы сынок гораздо, гораздо лучше твоего Макса. Разведут вас быстро, хорошо, что детей не нажили, а дальше... – Никина мама изначально ратовала за сына своей подруги и Макс ей сразу не нравился!

– Мам, я с сыном тётки Любы на одном гектаре не сяду! – взвилась Ника, – Мне кроме Макса никто не нужен!

После перечисления любящей матушкой недостатков Макса, неблагодарная дочка не только не утешилась, но оскорбилась, и заявила, что любит только его и ни с кем больше никогда не будет.

– Ну и сиди тогда, и реви! – заявила обиженная матушка и удалилась, оставив Нику в одиночестве со слезами и непониманием.

– Как? Как он мог? А? – она всё ещё причитала, когда её отвлек звонок смартфона. – Может, это Макс? – Ника схватила дорогой смартфон – подарок мужа. – Ааа, это вы... – невестело поприветствовала она звонившего.

– Приезжал ваш муж, устроил дикий скандал. Требовал отдать ему его собаку! – загудел в трубке голос «очень хороших рук» – мужика, которому Ника пристроила Герду. – Вы ему передайте, что я в следующий раз полицию вызову и сдам его! Орёт, за грудки хватает! Что такое-то, в самом деле!

Ника невольно прислушалась. – Вы вернули ему Герду? – с надеждой спросила она. Её вдруг осенило, что если Макс заберёт свою собаку, то он вернётся к ней! Ну, ладно уж... Она потерпит псину.

– Да она ж сбежала неделю назад. Почти сразу, как вы её мне привезли. Вывернулась из ошейника, сука такая! Прихожу на двор, а там цепь у будки валяется, а твари этой нет, уж и след простыл! А он приехал, давай требовать, а как узнал, чуть не зарыдал, а потом едва не придушил меня! Трясёт за грудки, глаза бешеные! А я что? Я её не украл, вы мне её сами отдали! Так что я жаловаться буду! Пусть только попробует ещё...

Ника уронила смартфон вместе с голосом мужика на диван и уставилась в окно.

– Значит, я тут по нему убиваюсь, а он там из-за шавки чуть не плачет? Гад! – разозлилась Ника. Так разозлилась, что даже слёзы закончились. – Ну и проваливай, идиот! Не больно-то нужен!

Ника от злости на мужа даже поужинала, посмотрела какое-то ток-шоу, из тех, которых он не переносил, тоже, наверное, назло ему. А потом улеглась спать. – Вот проснусь завтра и всё будет хорошо! – заявила она себе.

Нике очень хотелось есть и было холодно. Странное ощущение того, что она босая, заставило опустить глаза вниз. Вместо красивых стройных женских ног она увидела...

– Лапы? Что за ерунда? Какие ещё лапы?

Она подняла руку, чтобы пощупать лоб и выяснила, и с изумлением увидела, что перед её глазами оказалась странно вытянутая... – Лапа? Да что это такое? Что со мной?

Ника покрутила головой. Она стояла на обочине дороги в отвратительной каше из снега и дорожной грязи.

– А ну, пшла отюда! Пшла! Сказано тебе! Поразвелось бездомных, давно надо отлов вызвать! – заорал на неё какой-то мужик, из припаркованной невдалеке машины.

Ника видела его странно, она словно снизу вверх смотрела в сердитое лицо.

– Да какая я тебе собака! Глаза разуй! Я человек! – крикнула она.

– Ах, ты ещё и гавкаешь на меня! Будет тут всякая паршивая сучка пасть открывать! – мужик схватил кусок снега, отвердевшего до ледяного состояния, и швырнул в Нику.

– Ой, мамочки, больно! Больно же! Ты что, с ума сошел? Я сейчас полицию вызову! – закричала Ника, которую никто никогда и пальцем не трогал. Она кричала от боли и злости, а потом уже от страха, потому что мужик начал выбираться из машины, явно собираясь продолжить! Она увернулась от следующего куска, закричала гневно, и только тогда сообразила, что не кричит, а лает!

Ударяя со всех ног, то есть, наверное, лап, она долго слышала проклятья того мужика, и остановилась только когда почувствовала, что силы у неё совсем закончились.

– Я сейчас упаду и умру! – решила она. – Что со мной? Я что, стала собакой? Ну, так же не бывает. Аааа, я сплю. Я просто сплю и сейчас проснусь! – сообразила она.

И действительно проснулась. Проснулась, мокрая от холодного пота, поперёк кровати, с обмотанным вокруг тела одеялом, сброшенными на пол подушками и диким ощущением, что она сейчас опять станет собакой и окажется там, где бесконечная обочина дороги, темнота, холод.

– И есть, есть очень хочется! – проговорила она, трясаясь от озноба.

Полночи она просидела на кухне, завернувшись в плед и стуча зубами – никак не удавалось согреться. Нет, она и поела, и чаю горячего напилась, только вот... Стоило чуть закрыть глаза, как накатывал страх оказаться в том кошмаре!

– Дура ты, что ли? Ну, нарыдалась, стресс, вот и приснился кошмар. Подумаешь... Ерунда! Сейчас я пойду и лягу и ничего мне сниться не будет!

Мягкая кровать, уютная, тёплая спальня, тишина и приятные запахи. Ника устроилась поудобнее и...

– Нееет! Опять! – она бежала куда-то, сама не зная куда. Слева ехали машины, обдавая её ледяными брызгами грязи, лапы болели, их щипала соль, которой дорога была щедро посыпана, голод скручивал внутренности в тугой безнадёжный комок.

– Ну, и ладно! Ну, ночь такая у меня! Не буду сегодня спать! Подуумаешь, одну-то ночь не поспать! -Ника проснулась, когда кто-то на заправке бросил ей кусок булки от хот-дога, но стоило только к нему кинуться, как крупная собака, явно местная, заправочная, с рыком бросилась наперерез и выхватила кусок прямо из-под носа.

– Ппппрочь отсюда, а то прррибью! – рычала местная собака, Ника позорно бежала, и тут проснулась.

– Бред, какой бред! – она стояла под очень горячим душем, но никак не могла избавиться от ощущения холода, босых ног и безнадёжности. – Ладно, ничего! Завтра всё-всё наладится! – она повторила это раз сто, и на работу отправилась невыспавшаяся, но уже без слёз.

– Ник, ты как? – с деланным сочувствием уточнила у неё соседка по кабинету – Нина. – Не вернулся, да? Ну, муж твой. И чего мужикам надо? Причину-то какую-то назвал? Или просто загулял?

– Причину? – Ника хотела было огрызнуться, сказать, что это Нину никак не касается и замерла. – Причина! Ну, конечно!

Она торопливо шла домой. – Вот сейчас поем, лягу и высплюсь! Главное-то что? Главное, понимать причину кошмара! Я думала про эту заразу Герду, потом выяснила, что она сбежала, вот моё подсознание и устроило такой финт! Ничего-ничего... Я уже всё поняла, и никаких кошмаров не будет.

Как же! И на эту ночь, и на следующую, кошмар приходил как по расписанию! Иногда Нике в собачьей шкуре удавалось что-то перехватить из еды, но чаще она видела дорогу с безнадежным пониманием того, что она потерялась, ощущала голод, страх, босые иззябшие ноги, болевшие от соли и льда.

Станным становится мир, когда смотришь на него не с высоты собственного взрослого роста, а словно собачьими глазами. Сколько опасностей и потерь, сколько бесконечных дорог и тоски, сколько того, что перестаёт замечать взрослый человек! Может, дети, именно из-за роста больше сочувствуют собаке и кошке, да хоть дождевому червяку? А, может, это потому, что не вырос ещё защитный панцирь, покрывшийся вдобавок острыми шипами. Панцирь под названием: «не подходи со своей бедой, заколю».

Странно, но мысли о муже словно отошли на второй план. Ника толком не могла спать из-за повторяющихся кошмаров, и развод стал казаться чем-то далёким, не таким и важным.

Ника столько всего видела в этих снах и так измучилась... Нет, сначала она просто злилась. Злилась на кошмары, на проклятую Герду, сбежавшую из отличных условий, и теперь терзавшую её в снах, на всё, что её окружало, а потом одним из вечеров наткнулась на Гердин матрасик, который она забыла выкинуть.

– Мягкий... – Ника неожиданно села на него и вдруг сообразила. – Герда ведь никогда не жила в будке на цепи! Она же только в квартире жила, и вдруг оказалась... Ой, мамочки! Мамочки, что же я наделала?! И Макс... он же с ней всё время был!

Сидя посреди прихожей на собачьем матрасе, Ника покачивалась и тихо поскуливала, а потом вдруг решительно сжала зубы. – Ну, что ж! Я не понимала, что сделала, теперь поняла, значит, надо исправлять! Я её найду! Обязательно найду! Главное, чтобы жива была!

На работе Ника взяла за свой счёт и начала поиски. Перебрала все объявления о находках собак, побывала в приютах, сама дала объявление о пропаже собаки. Наткнулась на похожие, которые размещал Макс.

– Может...Может, позвонить ему? Сказать, что я всё поняла, осознала, сказать, что не могу без него? Что ищу её? – думала она, даже воспряла было в надежде, но тут же вспомнила, каким был Макс, когда узнал, что она сделала, и отложила смартфон подальше. – Нет. Он сейчас может меня только трясти как того мужика. Надо искать Герду, а потом... Потом посмотрим!

Сны никуда не девались, собачьи лапы отсчитывали бесконечную дорогу, Ника плакала каждую ночь, всё больше ругая себя:

– Дура! Ну, чем она мне мешала? Ласковая ведь. Придёт, голову положит на колени, а я сразу про шерсть думаю, что брюки испачкает! Макса встречает, радуется, а я ревновала к ней. Ой, только бы найти! Найти живой!

Бесконечные сны надоумили Нику распечатать карту окрестностей и пытаться понять, куда могла убежать собака, которая рвалась к хозяину.

– Ника! Что с тобой, доченька? – мама, которая всё пыталась навестить дочку, в шоке остановилась посреди прихожей, выстеленной листами бумаги.

– Мама, не сомни тот край! – Ника озадаченно выводила карандашом линии.

– Нииииик? – мама прижала руки к груди. – Тебе плохо?

– Очень! – откровенно ответила Ника.

– Этот проклятый Макс! – вскипела тёща. – Он во всём виноват!

– Он не виноват. Это я, мам! Это я всё разрушила.

Ника выдержала мамины истерики и слёзы, угрозы вызвать психиатрическую помощь и сдать её на лечение, жалобы на дочь, не думающую о маме и прочее, и прочее, и прочее в том же духе.

– Мам, я вполне могу оказаться в психушке, если я Герду не найду. Понимаешь? Поэтому, ты мне немного погоди мешать. А потом, если у меня не выйдет, сама меня туда отвезёшь. Я скажу, когда будет пора.

Ника была так серьёзна, что мама, схватившись за сердце, уехала домой. А добравшись, привычно обвинила во всем мужа и зятя.

– Сводит с ума мою девочку!

Нет, она, конечно же ему позвонила, чтобы всё высказать, но телефон он не брал, поэтому пришлось обе порции обвинений выслушивать Никиному отцу.

Ника перешла на поиски среди собачников. Она заезжала во дворы, показывала фото, спрашивала, умоляла сообщить, если увидят. – Ничего, надо ещё постараться. Герда, ну прости меня! Найдись! Только найдись живая!

– О! И вы эту псинку ищите! – начали говорить Нике собачники. – Тут ездит такой приятный парень и тоже её ищет.

– Макс ищет! – сообразила Ника. – Нельзя о нём думать. И хорошо бы ему на глаза не попасться! Не поверит, что я ищу, только разозлится сильнее...

Максу тоже несколько раз говорили, что такую же точно собаку ищет симпатичная девушка.

– Наверное, у кого-то похожая убежала, – подумал он. О том, что Герду разыскивает его жена, он и подумать не мог.

Ника стала бояться темноты. От недосыпания чувствовала себя плохо, но закрыть глаза, значило провалиться в тот страшный мир, где она – собака, потерявшая хозяина.

– Всё, я больше не могу! – в один из вечеров она вымоталась так, что, припарковав машину, поняла, что заехала вовсе не в свой двор, а в соседний, и обнаружила это, только попытавшись открыть дверь в чужой подъезд. – Ну, всё... Пора маме звонить, что меня уже пора лечить. Наверное, она погибла, а если и жива, я её не сумею отыскать! – понурилась она. И тут заметила что-то знакомое справа от дома.

Среднего размера дворняжка, чем-то, впрочем, очень отдаленно напоминающая колли, выбежала из-за угла дома.

– Герда? Герда! Гердочка! – Ника кинулась к собаке, а та испуганно попятилась и поджав хвост рванула в кусты. – Герда, стой! Куда ты? Это же я!

Ника вломилась в заросли, по колено проваливаясь в снег, – Она что меня не узнала? Где она? Куда делась? Если она так близко от дома, почему тут, а не у нашего подъезда?

И тут Нику осенило:

– Она меня как раз отлично узнала! Она прячется от меня и ждёт Макса! Она же не знает, что он от меня ушел!

Ника дрожащими руками выхватила смартфон и набрала номер Макса, но тот трубку не брал, сколько она не названивала. Она написала смску: «Макс, я нашла Герду, приезжай скорее домой!»

Звонок мужа не заставил себя ждать:

– Не смей так больше шутить! Я не желаю ничего о тебе знать! Если ты думала, что таким враньём можешь заставить меня вернуться, ты... ты просто жестокая бесчувственная дура! Я никогда не возьму трубку и ничего не буду читать, чтоб ты не написала!

Ника не успела и не сумела прорваться сквозь его крик и обреченно уставилась на экран смартфона.

– Да, ты прав. Я именно такая! Но как же мне её без тебя поймать?

Ника обшаривала кусты, пока не выбилась из сил. А потом просто разревелась.

– Герда, простиииии, прости меня!

Одна рука заоченела, и Ника с опозданием сообразила, что перчатку она где-то потеряла. Только это не имело никакого значения. Она обхватила ствол ясеня, почему-то решивший расти вбок, и чуть не повисла на нём, всхлипывая и поскуливая.

Ощущение того, что её скулёж отзывается каким-то эхом, возникло у Ники не сразу. Только когда она напрочь перестала дышать носом и полезла окоченевшей рукой в сумку, чтобы найти упаковку платков, Ника осознала, что ей кто-то вторит. Медленно повернула голову и обнаружила рядом...

– Герда! Гердочка моя! – нет, она больше не убежала, а напротив, что-то настойчиво совала Нике в руку.

– Что это? Это же... Моя перчатка! Ты мне перчатку нашла? Моя хорошая! Моя лучшая на свете собака! Это ты меня пожалела, да?

Кто знает, почему у собак, даже у небольших собачек, бывает сердце значительно большего размера, чем у иных людей.

Ника плакала теперь уже от радости. Правда, ровно до того момента, пока не поняла, что Герда от неё аккуратно пятится.

– Ты мне не веришь, да? Я понимаю! Я нам такой беды наделала! Прости меня. Нет! Только не убегай. Куда ты?

Герда вела себя странно. Нет, в руки не давалась, но и не убежала спасаясь.

– Ты меня как ведёшь куда-то... – удивлялась Ника. – И вроде как смущенная какая-то...

Герда подобралась к каким-то полуразвалившимся кирпичным гаражам и нырнула в темень. Правда, ненадолго. Из-за кучи кирпича за Гердой вышла ещё одна собака – здоровенный пёс, тяжело прихрамывающий на правую переднюю лапу.

– Вот так, значит, да? – Ника смутно помнила, что чужих крупных собак боялась. Почему-то... когда-то...

– Это твой друг?

Она вспомнила свои бесконечные сны и пожалела, что там в них не было такого пса. Не было бы ей так одиноко и страшно.

– Ты, бежала к Максусу и с ним встретила, да? И решила попробовать его тоже привести домой? А знаешь... Пошли! Да, и ты тоже! – она протянула незнакомому псу руку. Протянула именно так, как мечтала сама увидеть во сне – открытую ладонь, которая не прячет в себе камень и не сжимается в кулак, чтобы ударить, нет! Ладонь, на которой находится самое важное – знак, такой понятный для всех собак: «Пойдём со мной, ты мне нужен!» – Пошли домой!

Ника понятия не имела, хороший ли это пёс, или нет. Как он будет вести себя в её ухоженной квартире, воспитан ли он. Это по большому счёту не имело значения. Главным было то, как у Герды завилал хвост. Сначала робко, недоверчиво, а потом – широко, от души, радостно. Пёс обернулся на Герду, и ткнулся носом в ладонь Ники.

– Пошли домой, Кай! – позвала она.

– Ника! Ты сошла с ума? – возопила нежная Никина матушка, обнаружив дома мало того, что дурацкую псину зятя, так и ещё какую-то огромную, грязную и явно злющую!

– Нет, мам, вот теперь я выздоровела! – твердо ответила Ника.

Мила, спрятавшись за занавеской следила за мужем дурёхи Ники. Она так и знала! Точно знала, что права!

– Воооо, что и требовалось доказать! Какая-то тощая выдра поджидала Максика. О! Выдра ещё и с Максиковой псиной. Нифига себе, значит, он псину забрал и уже выдре отвёз. Эх, Ника, Ника, дурочка наивная! Ого, и ещё какой-то телок пёсёй породы. Ааа, поняла! Это самая опасная порода выдр – собачница! Огромный пёс – её. Вот чем она дурня Макса подцепила. Ведь по сравнению с Никой, у этой ни рожи, ни кожи. Вешалка право слово, аж одежда болтается.

– Макс! – Ника окликнула мужа, и отпустила с поводка приплясывающую от радости Герду. – Я всё-таки её нашла!

Макс ничего не понял, кроме того, что к нему прилетело счастье! Он извёлся от мыслей, что его собака, которую он вырастил из выброшенного в пруд слепого и беспомощного щенка, погибла или скитается где-то голодная, замёрзшая, ищет его. А он не может ей помочь! И всё из-за него самого! Как он мог жениться на этой эгоистичной курице с квартиркой, посудкой, паркетиком, рюшечками и словами о великой любви к нему! Как он мог не понять, что она легко избавится от его собаки просто чтобы Герда не мешала курице в её курятнике! Звонок Ники он воспринял как хитрый ход для возвращения его обратно, а сейчас напрочь забыл и о Нике, и о её поступке, обо всём! Просто потому, что с ним снова его Герда!

Чуть погодя, он смог сфокусироваться на жене, которую уже привык называть бывшей и едва её узнал.

– Ника? Ты что? Ты заболела? – она очень похудела, выглядела сильно осунувшейся с синяками под глазами.

– Нет, я в порядке. Макс... Ты прости меня. Я... Я просто не понимала. А когда поняла, то искала её. Правда очень старалась с тобой не встретиться. Боялась, что ты мне шею свернёшь. Нет! Погоди... Я понимаю, что ты, наверное, не захочешь меня больше видеть. Но тут такое дело... Герда, пока скиталась, нашла себе друга и привела его. Вот. Это Кай. Ты иногда привози её к нему, ладно? Они очень дорожат друг другом!

Неправда, что люди не меняются! Гордый кошатник вдруг неожиданно заводит себе собаку, а то и не одну. Собачник подбирает кота, а человек совершенно не понимающий, что они все находят в своих питомцах, вполне может почувствовать, что ему совершенно необходимо иметь кого-то, кто просто будет рядом, а не будет бежать где-то по бесконечной дороге в снежной каше.

– Нет, ну вы гляньте, болтали, болтали, а потом целуются средь бела дня! Он же ещё не разведён! Никакого стыда у этих хищниц нету! Нууу, Ника ты сейчас всё увидишь. Я тебе фоточку-то пошлю! – репортаж Милы из-за тюлевых занавесок перешел в новую стадию, и смартфон Ники завибрировал от вала «фоточек», изображающих саму Нику, её Макса и двух страшно довольных собак.

Нике снова снился сон про собак.

– Неее, я не пойду гуляять! – бормотала она. – Я вчера с ними бегала.

– Да и не надо, соня. Спи себе, мы сами, да? – Макс всегда по утрам был возмутительно бодр.

– Чего это сами? И я с вами. Только кофе, кофе дайте побольше, а то я усну на Гердином матрасике, благо опыт есть! – с закрытыми глазами пробормотала Ника. – И лапам у меня уже не холодно, и вообще, хорошо, когда собака в конце дороги имеет дом!

Обидеть кисю может каждый, не каждый может убежать

Вот казалось бы... Маленький зверёк. Ну, и что, что хищник? На самом-то деле и мухи не обидит. Как уже было сказано, зверушка такая маленькая, мягонькая, славная, со встроенной урчалкой и нежной шерсткой! Красивая! И вот сидит такая киса, предположим, на стуле, о жизни думает. И тут... Вариантов множество на самом-то деле. Например, хозяин не заметил звезду своих очей и, о ужас, попытался сесть на тот же стул! Неее, это уж совсем жесть! Ну, ладно, ладно, попросту скинул кисю со стула!

– *Чтооооо? Да как ты... Да как ты мог! Да как ты смел!* – читается в только что нежном и трепетном взгляде. Он и сейчас трепетный. Терминатор бы точно трепетал! Но, хозяева бывают такими... Невнимательными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.